

Время одиночек

Автор:

Артем Каменистый

Время одиночек

Артем Каменистый

Безымянная Империя #1

Великие сражения древности оставили от мира немного. На руинах расцветает новая жизнь, а старая пытается приспособиться к изменениям. Или приспособить их для себя. Кто-то действительно достиг расцвета, а кто-то уже начинает увядать. Империя слишком стара – она уже начала загнивать. На ее похороны спешат слишком многие – надо успеть добраться до имперских богатств раньше конкурентов. Но не рановато ли зашевелились стервятники?

Артем Каменистый

Время одиночек

Глава 1

Карету противно затрясло – верная примета, что выбрались за первую стену: здесь на строительстве воровали гораздо наглее, чем под боком у императора, и на брусчатке приходилось экономить. Дознаватели, не сговариваясь, синхронно ухватились за поручни: на местных колдобинах и в нормальном экипаже можно зубы растерять, а уж в тяжелой полицейской развалюхе и вовсе для этого дела все удобства – рессоры здесь явно чугунные. За окном промелькнул нефтяной фонарь, в его голубоватом, мерзком свете Сеул разглядел обитателей

межстенья: парочку каких-то крайне подозрительных личностей в длиннополых пальто. Интересные такие пальтишки – знающие люди много чего под них припрятать могут. Не зря в них щеголяет половина королевской управы и городских воров. Первые режут вторых, вторые режут первых, в темноте да неразберихе иной раз свой своего на клинок сажает.

Младший дознаватель Риолин, по-мальчишески возбужденный от предвкушения знакомства с местом страшного преступления, нервно пробормотал:

– Можно смело останавливаться и хватать эту парочку – явно ворье законченное. Даже кареты нашей не боятся. Обнаглела шваль местная!

Нюхач Бигль, одной ногой уже пребывавший на пенсии, не разделял энтузиазма молодого сослуживца и благодушно протянул:

– Риолин, ну что вы в самом деле! Если человек ночью шатается меж стен, это еще не повод для ареста. Да и много тут разного народу... всех не допросить. Сейчас доберемся до места, а уж оттуда плясать будем, как положено. Вы уж поверьте моему носу: суета – делу помеха. Пусть об этих стража заботится – это ее работа, а мы своей дорогой едем, по своему делу.

Сеул покосился на Бигля с нескрываемым недоверием. Нюхача вытащили прямоком из-за праздничного стола – отмечалась помолвка дочери с писарем Гумби. Так и поволокли их обоих в карету – некого было искать в эту пору. Времени терять нельзя – Дербитто попусту шум не устроил бы, дело явно серьезное. Вином от парочки разило изрядно, а чахлый очкарик Гумби и вовсе сомлел: носом клюет. Если у кабака и впрямь дело непростое, то трудновато будет работать с такой командой. Ну какой толк от пьяного нюхача?

А будь дело простым, Дербитто не стал бы трубить тревогу, тем более через синь. Не паникер Дербитто и не дурак – дурак бы здесь столько лет не продержался. Или ворье в канаву пустит, или отставка пинком под зад – трудновато служить на такой тонкой грани.

Карета остановилась посреди моря света – не меньше сотни городских стражников оцепили трактир Пуго, и каждый при этом держал факел или трубку цветка Ноха.

Сеул, выбравшись из кареты, направился напрямиком к сточной канаве – там у парочки тел, накрытых мешковиной, на корточках сидел Дербитто. Про начальника стражи местные поговаривали, что у него на затылке третий глаз, а возможно, и четвертый, что походило на правду: не раз воровской люд норовил ему железо меж лопаток сунуть, но никому это пока что не удалось. Вот и сейчас толстячок оправдал репутацию – не обернувшись на подходящего дознавателя, четко и громко произнес:

– Господин Сеул, осторожнее, пожалуйста. Перед этой бойней дождь хорошенько вычистил мостовую – старой грязи почти не осталось. Так что не затопчите следы. Хотя чего это я вас учу – сами получше моего знаете.

– Ох и кровищи тут! – выдохнул за спиной младший дознаватель.

– Риолин, просто пока постоит у кареты! – приказал Сеул. – Бигль, поработайте со следами, Гумби, записывай все и составляй карту места преступления. Начинай от двери трактира.

– Я бы посоветовал начинать отсюда, – предложил Дербитто. – Чем ближе к трактиру, тем больше следов... и тем интереснее они. Там все началось, а здесь все закончилось. И писать вам, ребятки, долго придется... очень долго. На каждого холодного, что здесь по округе валяются, по четыре бумаги положено – у вас ее может не хватить.

Сеул, встав у Дербитто за спиной, посмотрел, чем занимается глава стражи. Глава стражи занимался не очень эстетичным делом – внимательно разглядывал свежую коровью лепешку.

Дознаватель покачал головой:

– Ливень смел дневной мусор – что тут могла ночью делать корова?

– А кто их знает... коров... видать, дела были у нее свои... коровьи. Нам до ее дел особого интереса нет, а вот то, что она здесь нагадила, – это уже дело наше. Отменная улика... Взгляните, господин старший дознаватель: в дерьмо это наступил кто-то. Хорошо наступил, четко отпечатался – сапог отменно большого размера. Таких лап здесь немного, что сужает круг тех, кто способен был сотворить с этой лепешкой подобное. Мои ребятки были на месте чуть ли не

через минуту, и не дураками оказались: успели до башни добежать, синь вытащили – у нас на каждой восьмой башне один колпак из учеников всегда дежурит. Так что город мы сразу прикрыли жестко. И знаете что? На внешних воротах схватили Пуго – бежал наш плут-трактирщик из города на ночь глядя... потянуло его в сельскую местность. И думается мне, что сапоги у нашего Пуго будут в навозе и крови: лапа у него – что у медведя матерого.

Сеул с подчеркнутым спокойствием поинтересовался:

– Дербитто, мне кажется, что городскую управу ваши подняли по тревоге не для того, чтобы мы тут навозом любовались. Я вижу там пару тел, и кажется мне, что это не пьяные у канавы прилегли, а все гораздо хуже. Раз нас притащили сюда, значит, с тихими этими не все ладно. Я, конечно, понимаю, что умерли они не своей смертью, но ради пары тихих сюда бы все живое не согнали.

– Тихих тут не пара... Вы, господин Сеул, еще в трактир не заходили. Но, в сущности, вы правы – я всю бучу поднял из-за этой парочки.

– Что не так с ними? Уж не принцев ли крови здесь прирезали?

– Хуже, господин Сеул, все намного хуже... Взгляните сами.

Дербитто потянул за холст, продемонстрировал дознавателю голову покойника, вернул грубую ткань на место – нечего толпе на такое дело таращиться, пусть даже толпа эта состоит из одних лишь стражников.

Сеулу резко поплохело, и поплохело сильно. Поджилки противно задрожали, а слюна во рту мгновенно стала какой-то кисловатой, с металлическим привкусом. И очень сильно захотелось в уборную. Еле слышно, почти беззвучно, шевельнул губами:

– Зайцы...

– Да, господин Сеул, они самые.

– Откуда... почему... Да что здесь вообще произошло?!

– Я бы и сам хотел это знать...

– Дербитто, это ваш район. И это моя ночь – я сегодня главный дознаватель по городу. Думаю, ты понимаешь, что это значит.

– Тут и дурак поймет – рассвет для нас может стать невеселым... И не только для нас... Оптом упакуют под холст всех, кто спрятаться не успел...

– А эти... эти... уже знают?

– Если и знают, то мне об этом неизвестно. Да и какая теперь разница?

– И правда... никакой. Свидетели есть?

– Нет, конечно, – все разбежались. И я их очень хорошо понимаю... сам поглядываю в сторону ворот...

– Дербитто, нет для нас ворот... На дне моря достанут теперь, если что... Ну что же... Давай к управе – поговорим с этим Пуго... для начала. Если повезет, то на нем вопрос и закроем. Посмотрим на его сапоги...

* * *

– Ты можешь молчать. Или можешь говорить – говорить взахлеб, вспоминая даже те свои паскудные прегрешения, о которых давно позабыл. Можешь звать на помощь. Можешь жаловаться. Можешь требовать, чтобы к тебе привели весь городской совет и всех шлюх, что отираются у второй стены, в придачу, – не вижу разницы между вашими толстяками и этими сифилитичными дамочками. Никто не придет, и никому не нужны твои жалкие жалобы. И сам ты никому не нужен. Все, что ты можешь теперь, – это выплевывать выбитые зубы и корчиться на полу, в луже крови, мочи и блевотины. Моча, блевотина и кровь будут твои собственные – никто здесь тебя этим дерьмом снабжать не станет. И никто – никто тебе не поможет. На тебя сейчас плевать всем – абсолютно всем. Плевать со всех восьмидесяти восьми башен первой стены. И со всех шпилей королевского замка – я и сам не помню, сколько их там, но достаточно много. Ты сидишь передо мною, потея от страха, но, по сути, тебя уже нет – ты никто, ты призрак, ты ошибка Судьбы, непонятно почему отравляющая воздух в этом

подвале. Ты даже не умер – тебя попросту забыли еще до рождения твоего. Твое имя выкинули из памяти. А кто не выкинул – тот никогда его не станет вспоминать. А если и вспомнит, то вслух не произнесет. А если найдется тупой кретин, рискнувший произнести его вслух, то сделает это посреди пустыни, закопавшись поглубже в песок и уткнувшись своей тупой мордой в огромную пуховую подушку. И сделает это тишайшим шепотом. И как только он это сделает, то немедленно обмочится. Обмочится так, что на этом месте в пустыне потом возникнет оазис. Уж больно страшно будет твое поганое имечко вслух произносить. И знаешь, к чему я все это тебе, неродившемуся тухлому труп, говорю? А к тому, что ты, по-моему, так и не понял, во что вляпался. Ты думаешь, это что-то, во что угодила твоя нога у твоего вонючего кабака, – лепешка, оставленная тощей полудохлой коровой. Жиденькая, тоненькая такая лепешка – ведь корова загибалась от язвы, жрала мало, а навоз ее был кровавым. Так думаешь? Если ты думаешь именно так, то мне тебя жаль. Ведь скоро, очень скоро от тебя останется такая же лепешка. Нет, даже пожиже и потоньше. Чахлая лужица блевотины, крови, соплей и дерьма. Вонючая лужица. Такая вонючая, что даже псы, отирающиеся у наружных ворот, будут от нее носы воротить.

Риолин, опрометчиво решив, что потенциальный подозреваемый теперь подавлен полностью и сейчас распоеется соловьем, сделал паузу, переводя дух: весь этот монолог он произнес на одном дыхании.

Зря он это сделал – Пуго не из тех слабаков, кого можно запугать потоком пустых слов, причем слов дурацких, – он и сам умел делать это не хуже.

– Господин МЛАДШИЙ дознаватель, если вы намерены начинать мне зубы пересчитывать, то приступайте. Порченных половина, давно пора о новых подумать, да денег синь много запросит, а я не настолько богат, чтобы платить по их живодерским расценкам. С другой стороны, все, что у вас против меня есть, – это мой сапог, запачканный в крови и навозе. Так по таким «уликаам» можно смело полгорода посадить в подвал, а вашу управу – так вообще в полном составе. Коровы, знаете ли, имеют обыкновение гадить где приспичит. И почти все они больные, уж даже не знаю почему. Пока своей смертью не сдохла, их гонят в любое время к бойне, и наружная стража этому не мешает. За пару медяков наружная стража не то что больную корову ночью пропустит, а банду черных некров, со всеми их гробами в придачу и тухлыми подругами. А еще есть целая куча относительно уважаемых горожан, которые поклянутся на могиле Первого Императора, что всю эту заваруху я просидел за своей стойкой, не

высовывая носа. Я, знаете ли, заварушек перевидал немало и давно уяснил, что нос свой в таких случаях следует беречь. Так что уже завтра меня из вашей управы выпустят, и я прямиком пойду в городской совет. И рот там свой разину. И во рту моем внимательно пересчитают все отсутствующие зубы. Если и ошибутся при этом, то в большую сторону. И выставят вашей живодерне счет за каждый зуб. И счет будет такой, что на деньги эти я себе восемь полных челюстей поставлю с хорошими, крепкими зубами. И счет этот вы оплатите. Оплатите с радостью и с извинениями. И вы, господин МЛАДШИЙ дознаватель, извиняться будете в первых рядах. Извиняться искренне и с заискивающей улыбкой. А те господа, что за нами через стену поглядывают, будут кивать при каждом вашем слове. А может, даже и в зад меня целовать при этом – все зависит от количества отсутствующих зубов.

– Как он о нас узнал? – вскинулся Дербитто. – Он что, где-то искусства нахватался?

Сеул, не отводя взгляда от допрашиваемого, тихо произнес:

– Да какая тут магия... на синь он явно не тянет. Стены подвала из серого песчаника, а камень Серисетия черен как смоль. Выделяется это окно, а Пуго не из тех идиотов, что дальше своего носа не видят. Да и не первый раз его допрашивают – этот плут с богатой биографией.

– Есть за что его прижать? И что значит «не первый раз»?

– Спорно. Уж за убийцу мы его точно не выдадим. Зайцам он не нужен, и домыслы наши им не нужны. Зайцам нужен убийца. Всем нужен убийца... настоящий убийца. Нет, этого Пуго мы никак не приплетем к делу... Он чист...

– По его роже этого не скажешь. Вид у нее такой, будто и она тоже ворованная. Тем более, говорите, привлекался.

– По архиву, был под следствием во время мятежа Гиора.

– Так там вроде пару зайцев тогда тоже прирезали – попали под горячую руку. Может, понравилось и решил продолжить?

– Тридцать лет без малого прошло. Ты думаешь, зайцы всерьез поверят, что этот жирный кабатчик своими пухлыми ручонками пустил кровь всей их стае?

– Я бы на их месте точно не поверил. Но убийцу-то надо выдавать. Рассвет уж скоро, а мы на месте топчемся. Может, того... при попытке к бегству его, а там бумагу состряпаем и сапоги его покажем. Сдается мне, кровь на них будет не только коровья.

– Дербитто, зайцев такой ерундой точно не обманешь. Они если захотят, то и труп допросят. Хорошо допросят. Труп все расскажет, да еще и пару песен споет... и спляшет при этом.

– Это если захотят допросить. Им же самим перед Лесом, думаю, теперь ответ держать. Может, сделают вид, что все хорошо, и примут нашего кабатчика как главную персону? На месте он был, в мятеже Гиора замарался, на улице крови и навоза нахватался, да и вообще морда у него воровская. Нас его труп устроит как ответ, может, и их тоже устроит?

– Не устроит... Нам нужно закрыть дело, а им нужна правда. И неплохо бы эту правду нам сейчас узнать. Пойдем, Дербитто, поговорим с этим плутом. Похоже уже, что не его допрашивают, а он допрос ведет... Ох и кретин наш Риолин...

– Молод он и глуп, улицы не видел – сразу видать паренька из чистой семейки. Он не пугает, а будто сказки читает сестрам на ночь. Куда ему с Пуго тягаться. Дело, конечно, не мое, но зря вы этого сопляка к Пуго послали.

– Не зря, Дербитто, не зря... Клиент должен расслабиться... хорошо расслабиться. Как расслабится – так и хватай его за шкуру... за мягкую, расслабленную шкуру...

Трактирщик, обернувшись на скрип отворяемой двери, осклабился:

– Здравствуйте, господин Дербитто. Вот беда-то какая: и вам эти заячьи тушки поспать не дали спокойно?

– И тебе привет... Пуго...

– Что, господин главный стражник, тоже мне будете страшные байки про оазисы мочи в пустыне рассказывать или, может, как честные люди поговорим? Хотя какие, в тухлую печень, могут быть честные люди в этом подвале в такую пору?

Стражник попробовал передвинуть табурет ближе к столу, но куда там – приколочено все к полу на совесть. Присел так, как смог, в отдалении, вздохнул:

– Бывают здесь честные, бывают – всех по себе не равняй.

– Если говорить по совести, то честнее меня человека между стенами нет – вы же знаете.

– Пуго, давай без шуток. Не станем время терять – до рассвета недолго осталось. Как рассветет, мы должны будем привести... или принести зайцам убийцу. И признаюсь честно – пока что лучше тебя мы никого на эту роль не нашли. Сам понимаешь...

– Да не дурак я, господин старший стражник, все понимаю. Но понимаю и то, что вам меня зайцам в любом виде не всучить. Не примут они такой гнилой товар. Вы гляньте на меня, внимательно гляньте – ну разве найдется в этом городе дуралей, что поверит, будто я, хорошо всем известный трактирщик Пуго, способен был из кучи зайцев нарезку сделать? Да такого дурака даже на смех поднимать не станут – ну что взять с убогого?

– Да все я понимаю. Но пойми и ты – рассвет на носу, а предъявлять нам некого. Совсем некого. Кроме тебя, конечно. Трактир твой? Твой. Сапог твой? Твой. В мятеже Гиора морда твоя засветилась? Засветилась. И после всего этого пойман ты был моими стражниками у внешних ворот. Куда это ты на ночь глядя из города подался? Уж не от правосудия ли скрыться хотел?

– Господин старший стражник, да вы бы на моем месте так же обхезались – и так же бежали за город, будто за вами дохлая теща некра с алебардой гонится. Тут и дурак поймет: надобно подальше быть от всего этого.

Сеул и в беседу не вмешивался, и не присел – мерным шагом прохаживался по периметру подвальной комнаты, заложив руки за спину. Даже не косился в сторону стола, но не упускал ни единого слова. Уловив в голосе задержанного нервные нотки, понял – тот не дурак и все понимает прекрасно. И понимает, на

какой невесомой волосинке сейчас висит его судьба. Пытается казаться невозмутимым, но куда там... Да и поступки его... вроде глупой попытки покинуть город... Нервные поступки... Необдуманные... Пора.

Резко развернувшись к столу, Сеул четко, чеканя каждое слово, заявил:

– Сапоги ваши. Следы ваши. Кабак ваш. Бежать за город пытались вы. Кроме того, в вашем кабаке, в верхних комнатах, нашли немало интересного. К примеру, арбалет. Интересный такой арбалет. Такие легко спрятать под длиннополой курткой, а уж под бандитское пальто и вовсе два можно повесить. А на арбалете том приметное клеймо и вензель хозяина. Хозяина этого оружия уж давно в паре провинций обыскали. Seriously искали – вдумчиво и настойчиво. А он вот где оказался – в столице, в вашем заведении. И все говорит о том, что не случайно туда забрел, а жил там не один день. И заметьте – арбалет скрытого ношения, как и те, из которых зайцев перещелкали. В подвале вашем комнатку нашли. Интересная такая комнатка с замаскированной дверью. А в комнатке той одиннадцать тюков с шегским сукном. Таможенного клейма на тюках нет. Вообще никакого клейма нет – будто ничьи они. А ведь подобный немаркированный товар – это серьезное преступление против казны.

Риолин, не выдержав перечисления всех гнусных тайн трактира Пуго, вскочил, чуть ли не умоляюще предложил:

– А давайте я ему все же зубы выбью?

– Сядьте, Риолин, – поморщился Сеул.

Пуго, воспользовавшись паузой, поспешно затараторил:

– Вообще-то заведение у меня давно уже не кабак, а трактир – уважаемый трактир. И раз стража на второй стене человека пропустила, значит, и мне не грех такого пускать. Комнаты мои наверху не грязные, клопов не держим. Шлюх тоже не пускаем – у меня приличное заведение. А в приличном заведении в вещах постояльца шариться не принято, так что найди вы там даже склад оружия для полного кавалерийского полка – это не ко мне претензия. А про сукно знать не знаю – я в подвал, кроме как вино проверять, не спускаюсь, не иначе как кто-то из слуг смошенничал, а может, и вовсе с давних времен лежит, еще до меня. До того как я трактир этот прикупил, там был знатный вертеп. И

вообще, мы с вами люди не глупые, давайте уж напрямую – раз вы меня еще не придушили и не потащили к зайцам, значит, скорее всего, и не придушите. И сукно это вам вообще на хрен не надо, как и все остальное. Так чего вам от Пуго надобно?

– Правда нам нужна, правда. Вся правда. Все, что ты видел и чего не мог видеть. Вспомни все, вспомни даже, сколько мотыльков ночных кружило у лампы над дверями в кабаке. Вспоминай все, с самого начала вспоминай. И рассказывай. Все до последнего слова. Даже не думай что-либо утаить, я это почувствую. И тогда ты умрешь. И труп твой отнесут зайцам. А потом... потом, возможно, умрем мы... и не только мы... И все из-за того, что ты решил скрыть одно-единственное слово. Надеюсь, ты не совершишь такой глупости. А теперь начинай...

– Господин, не знаю, как вас звать, с чего же тут начать...

– С начала начинай. С самого начала.

– Ну если с начала, то он мне сразу не понравился.

* * *

Этот парень не понравился трактирщику сразу. Пуго не первый день провел меж стен и местную публику знал от и до. Нет, парень точно не местный. В принципе это не беда: межстенье – это такое место, где народ вечно мечется от стены к стене, разбавляя этой суетой степенное существование коренных обитателей столичного пограничья. В заведении Пуго всем рады, главное – плати и не бей посуду. А если бьешь чью-то морду, то делай это на улице, за углом. Если вообще прирезать кого решил, так еще дальше отползай – нечего нюхачей на почтенный трактир наводить. Если повадится стража тут чес устраивать – того и гляди, репутацию потеряешь. А не будет репутации – так жить придется на меди: больше торговля пивом не принесет. Серебро – это серебро, его носят люди серьезные, и для них нужно место тихое, с соответствующей репутацией. Вот, например, как трактирчик Пуго. Достоянейшее заведение, полы чистые, столы вытерты, пиво разносит пара смазливых девиц, причем не шлюх, а серьезных девок: за зад ущипнуть попробуешь – можешь и схлопотать, а уж о большем и не мечтай. А самое главное – есть второй этаж, а уж там все вылизано до блеска, и платят не медью.

Серьезные люди туда за серьезными делами приходят. В другом месте за стеной может нюхач сидеть с писарем наготове, а у Пуго не так: у Пуго стены – это стены. И его стены тайны держать умеют. И за это Пуго платят серебром – за порядок и надежность. Если ты снял комнату у Пуго, ты временно стал хозяином маленького замка. Стены здесь тараном не прошибить: ори не ори – не услышит никто. На окнах литые решетки и внутренние ставни. Попасть наверх можно лишь через общий зал, пройдя по лестнице у всех на виду. Чужаку это не светит: день и ночь парочка слуг наготове. По трактиру работают, само собой, но главная задача для этих мордovorотов – разборки с нехорошими посетителями: один постоянно в зале дежурит для оперативного реагирования. Дебоширов они заранее примечают, глаз наметанный – оба в страже поработать успели. Да и сам Пуго хоть и немолод, но силу не растерял – мало кто на ногах больше минуты против него устоит. Удар такой, что хоть дрова им коли – кулак будто гиря. Справляются с проблемами здесь легко.

Днем, до закрытия ворот, в трактире случайного люда хватает. От ворот до ворот народ бегают, покуда светло, а жрать да пить надо – вот и забредают. Фазанов, фаршированных перепелиными языками, здесь не подадут, но зато навалят каши, жареных сосисок, жбан пива поставят – и все за пару медяков. А чего еще надо крестьянам да мелким торгашам?

Вечером ворота закрываются – и все, случайным людям тут делать больше нечего. Наступает время для обитателей межстенья. Чужаков нет – все свои. Тихо становится, спокойно. Зал полупустой. Обитатели верхних комнат спускаются, рассаживаются у столов вдоль стен, поодаль друг от друга, и шепчутся кучками о своих важных делах. Пара завсегдаев трется у стойки перед Пуго, да порхает со снедью и питьем оставшаяся до закрытия служанка.

Обычный вечер.

А этот тип – необычный. Чужой он. Хрупкий, невысокий, бледный, глаза чистые, наивно-доверчивые, но с затаенной лукавинкой. Ну будто девка переодетая. Одежда хорошая – такие тряпки богатые студенты таскают. И капюшон на голову накинут – так ученики любят бродить... или мелочовка, до сини не доросшая. Студент? Или, может, маг-недоучка? И чего это его занесло сюда в такую пору?

Пуго подманил пальцем Суару. Служанка подскочила к стойке, выжидательно уставилась на хозяина.

- Ты этого хмыря в плаще знаешь?

- Нет, первый раз вообще вижу. Да и какой это хмырь - симпатичный мальчик.

- У, лярва! Об одном только думаешь! Что-то я смотрю, он пьет медленно, кружку ты ему не обновляешь.

- Так он вообще не пьет. Заказал, а не пьет. И не ест.

- Послали боги посетителя - он что, собрался над этой кружкой всю ночь трястись?

- Не знаю. Закрываемся же скоро. Спросить его, снимет ли он комнату?

- Я тебе дам спросить! Бегом на кухню, копуша, - Борт со своими дружками уже поглядывает косо на тебя. Небось ждут горячего!

Старуха Ниба стукнула о стойку кружкой:

- Плесни мне еще, Пуго, и не ругай девочку - она хорошая.

- А не много ли тебе будет?

- Жалко, что ли?

- Да чего мне пиво-то жалеть! И куда тебе только влазит, вся уже провоняла, да и опухла вон как - это у тебя почки уже от пива гниют.

- Пиво дырочку найдет. И вообще мне замуж уже точно не выходить - хочу и распухаю. Наливай давай.

Пуго, поднеся старухе новую кружку, тихо поинтересовался:

- Ниба, а что за мальчишка там сидит, не знаешь?

- Не, Пуго, первый раз его вижу. Вон на него Урций косится – может, знакомы?
- Не смейся – Урций вечно косится на всех, у кого есть яйца, а уж от такого смазливового юнца этот боров и вовсе в восторге. Не нравится мне этот парнишка.
- А мне нравится. Симпатичный он.
- И ты туда же, лярва старая.
- Сам ты лярва. А еще ты кастрат.
- Я бы тебе доказал обратное, будь ты лет на сто помоложе.
- Так я еще столько не прожила.
- Да что ты говоришь! А с виду не скажешь...

Ленивая перепалка привлекла внимание Гика. Жулик пододвинулся поближе, махнул кружкой:

- Ты, Ниба, у нас самая красивая – не слушай ты этого трактирщика, он давно женщин на пивную бочку променял. С чего вам этот малец так интересен стал?
- А ты его знаешь? – вопросом на вопрос ответил Пуго.
- Не сказать чтобы очень... Видел я его утром на рынке, что у ворот, о чем-то он там с Шугером трепался. И Шугер при этом выглядел очень заинтересованным – похоже, продавал этому юнцу что-то.
- Интересно – что?
- Шугер все, что хочешь, тебе продаст. Это же Шугер.
- Не мели ерунду. Шугер если продает, то не репу. Шугер оружием промышляет. Что хочешь тебе достанет – хоть армейское, хоть штучное.

- Так и я о том же: не о репе они трепались. Шугеру репа ни к чему. А парнишка на студентика похож. И по прикиду видно, что родители у него жирные. Но не столичные. Будь столичными - так не бродил бы между стенами, поближе к центру шатался. О чем такому неженке можно было с Шугером говорить? Ножичек, может, купить решил для неверной невесты... Небось и кошелек у него не пустой - к Шугеру с пустым подходить опасно. И вообще на девку похож: худосочный слишком. Пуго, если ты его на ночь выпрешь из кабака, ребятки на улице точно в темноте его за шалаву примут и за угол заволокут. Вот смеху-то будет, когда штаны стащат. Слушай, Пуго, а что за тело там, у лестницы, сидит. Вид у него - будто у гробовых дел мастера. Уж не некр ли он?

Пуго ответил не сразу - Гик, конечно, свой в доску, но язык при нем распускать не стоит. Да и было бы из-за чего - да, постоялец мрачноватый, но человек проверенный, и пакостей от него пока не было. Частенько здесь останавливается, да и друзья его тоже нередко заглядывают. И сам он, и друзья его - все люди благородные, платят исправно, серебром платят и сверху не забывают добавить, отблагодарить. Мрачноватые, конечно, люди и немногословные - даже имен своих никогда не называли. Ну так молчание - это не грех. И на одно лицо все - видать, это семейное дело, не иначе как братья. А уж гробовщики они или некры - это их дело, Пуго в дела постояльцев носа не совал. Нос беречь надо.

- А если и некр, тебе-то какое дело?

- Мне? Мне - совсем никакого.

- Вот и помалкивай. Постоялец этот - человек тихий, но что-то мне говорит, что разозлиться может вмиг. А это нехорошо будет.

- Да уж, бугай знатный. Я его, кстати, вчера видал за заставой. Он чего-то топал к мельнице, вниз.

- Раз топал, значит, надо ему было - ты что-то много болтаешь сегодня.

- Так день хороший - погодка загляденье, душа прямо поет.

- Угу. Полдня дождь шпарил, только сейчас утих. Шутник ты у нас.

Дверь трактира распахнулась резко – будто ногой открыли. Заплясали огоньки светильников, ноздри защекотала влага свежего уличного воздуха.

– Это что за свинья там копытом двери распахивать повадилась? – угрожающе поинтересовался Пуго.

«Свиней» оказалось две. Точнее, двое. Да и не свиней вовсе. Глянув на вошедших посетителей, Пуго прикусил язык. Эх, сразу видно почтеннейшую публику. Ну а что до дверей – так хоть головой рогатой их открывай, им хуже не станет. Двери в кабаке хорошие, крепкие. Вот кто его за язык тянул? Сколько лет прожил, а не научился за словами своими присматривать.

Изучив парочку повнимательнее, Пуго и вовсе насторожился. Одного странного посетителя он еще стерпит, но трое – уж явно перебор: что-то тут сегодня не так. Нет, эти на смазливых юнцов не походили – высоченные, стоят ровно, будто бревна. Не атлеты – хрупковаты, но хрупкость обманчива, будто тонкое тело диких котов. И морды такие же вытянутые и бледные, будто у того парнишки. Да и не морды, а лица. Причем лица ухоженные и также прикрытые капюшонами, надвинутыми на лоб пониже. Одень в платье – и за баб сойдут. Получатся высоченные, плечистые бабы с узкими задницами. Откуда они все тут ночью появились?

Сняв с гвоздика полотенце, Пуго принялся вытирать руки, демонстрируя посетителям готовность к обслуживанию. Посетители на него даже не покосились – так и стояли, внимательно изучая зал. Глянув туда же, Пуго увидел, как черный постоялец еле заметно кивнул. Ах вот оно что – дела у него с этой парочкой. Ну раз дела, то, значит, все нормально и зашли они не случайно. А что до вида их странноватого – так это не его, трактирщика, дело. Дела постояльцев – это свято: пусть хоть с демонами якшаются, лишь бы серебро платили.

Рано Пуго расслабился: загадочный парень не зря его настораживал.

«Студент» встал.

Нет, не встал – будто пружина распрямилась или на тугом луке лопнула тетива. Красиво встал – будто танцор или опытный фехтовальщик. Скользнул вбок из-за стола, единым движением распахивая плащ. Голосом чистым и мелодичным

звонко произнес:

– Сидите на месте – и никто больше не пострадает.

Пуго внезапно понял: сиди не сиди – сейчас репутация его трактира пострадает серьезно.

Пуго не ошибся.

Из-под плаща парнишка выхватил два арбалета. Не армейские двужильные монстры, какими кирасу навывлет прошибают, а так себе – арбалетишки. Такие таскают хлыщи из управы да ворье понаглее. Если взвести на совесть, то плечи чуть ли не до локтя складываются, и при желании такую дуру даже в рукав можно запихать. Стреляет недалеко, да и попасть трудновато, но шагов за десять – двадцать достать можно.

Так вот что этот четырежды проклятый юнец у Шугера покупал...

Рассказывать в подвале управы приходилось медленно, вспоминая все подробности, а на деле происходило все быстро – невероятно быстро. Сердце не успело четыре раза стукнуть с того момента, как парнишка выскочил из-за стола, а пальцы уже утопили скобы – «студентик» выстрелил с двух рук.

Парочка новых посетителей на месте тоже не стояла – ребятки явно битые жизнью, отпрыгнули от дверей, будто блудливые коты, застигнутые в чулане за пожиранием сметаны. Но куда ты спрячешься от арбалета, если до стрелка неполный десяток шагов?

Арбалеты стукнули одновременно, подпрыгнули в руках от отдачи. Короткие, толстые болты с чавканьем ударили в живую плоть – оба упали синхронно, один тонко, по-женски, вскрикнул. Убили или нет – неясно, но уж не задела точно: всем телом бедолаги приняли сталь, оба не смогли от ударов на ногах устоять.

К пареньку от лестницы ринулся Хоги. Вовремя ринулся: арбалеты разряжены, перезаряжать их очень долго теперь, а в рукопашной у этого стрелка шансов нет – Хоги что кабан-переросток, тупо в доски втопчет полдюжины таких молокососов и не заметит.

Не втоптал.

Парень откинул разряженное оружие, полуобернулся на месте, взмахом руки встретил надвигающийся живой таран, даже не ударил – а так, прикоснулся к лицу. И случилось чудо: ноги громилы оторвались от пола, Хоги пролетел через стол, впечатался головой в стойку, на этом его полет прекратился. И вообще – на сегодня рабочий день Хоги закончился.

Пуго остановил свою руку, тянущуюся за дубинкой. Нет, не стоит этого делать. Палка, залитая свинцом, – аргумент в спорных вопросах неплохой, но не в этот раз. С этим пареньком лучше не связываться – забьет эту палку тебе в такое место, что доктор неделю искать будет.

Вот каналья, а казался таким милым!

– Вам же сказано – сидите на месте, и все будет хорошо, – нервно произнес парень. – Сейчас я выйду – и можете звать стражу.

Через весь зал пролетел стол, сбив по пути пару светильников. Добротный стол из двупальцевых досок – за таким сразу десяток пировать может. Такой от пола оторвать и втроем нелегко, а уж заставить летать и вовсе не получится.

Но у этого постояльца получилось.

Паренек, ловко увернувшись от пролетевшего предмета мебели, посмотрел в сторону «гробовщика» чуток озадаченно, нервно выкрикнул:

– Стой! Я не хочу тебя убивать! Мне нужны были только они – я сейчас уйду!

С таким же успехом мог и со стеной поговорить: черный громила не ответил, молча попер вперед. Не торопясь пошел – не так, как кретин Хоги. Уверенно пошел – отшвыривая с пути перевернутые табуреты и перешагивая через лужи горящего масла, что пролилось из светильников. Дойдет и убьет. Голыми руками убьет.

Три трупа за вечер – репутации трактира хана.

Дальше Пуго на некоторое время отключился. А как не отключишься, если в твоём заведении вдруг ударил гром. Настоящий гром – будто молния над ухом сверкнула. Вроде бы перед этим громом парнишка как-то хитро крутанулся и вроде бы махнул рукой как-то нехорошо. А может, и не было этого. Трудно вспоминать – уж больно сильно громыхнуло. И отбросило Пуго назад, на спину, а там он уже не мог ничего видеть – стойка мешала.

Грохнуло второй раз, яркая вспышка ударила по глазам, заставила зажмуриться. Из пивной бочки вырвало кран, холодная струя ударила прямо в лицо. Как раз кстати – сделав хороший глоток, Пуго рискнул приподняться.

В зале было темновато: все светильники поразбивало. У стены и по центру разгоралось разлитое масло, в его пламени Пуго разглядел тело черного постояльца. Пуго сразу понял – он мертв. Ну не может человек дымиться, будто сырое полено в очаге, и быть при этом живым. Да и запахок очень нехороший – будто цыпленка в огне спалили.

В дверях толкались разбегающиеся посетители и постояльцы. На такой фейерверк стража быстро пожалует, а со стражей народ местный общаться не любил. А Пуго куда деваться? Не бежать же – заведение-то его... так что не было печали...

Выбравшись из-за стойки, Пуго сорвал с ближайшего окна занавеску, подержал ее под струей хлещущего пива, кинулся забивать пламя, пока пожар тут не уничтожил то, что пощадил проклятый мальчишка. Огонь уже успел разгореться и ушел неохотно, заставив Пуго от души надышаться едким дымом.

Убедившись, что языков пламени больше нет, Пуго отбросил занавеску, кашляя и умываясь слезами, вырвался на улицу. Согнулся на крыльце чуть ли не вдвое, закашлялся еще сильнее, пытаясь прочистить легкие. Желудок тут же скрутило судорогой. Инстинктивно, стараясь не наблевать у дверей своего заведения, Пуго просеменил вперед, склонился над сточной канавой – и только тут разрешил утробе очиститься.

Отплевываясь, распрямился, покосился влево. Ну что за день – угораздило его именно сюда блевать приползти! Репутации трактира и так хана пришла, лужа блевотины у дверей дела бы уже не ухудшила.

Оба посетителя, заработавшие стрелы в первые мгновения заварухи, лежали у канавы. Один был мертв – не может человек остаться живым, если ему пробито голову. Второй, очевидно, сумел дотащить его сюда, несмотря на свою рану. Но здесь его силы иссякли – уложив голову убитого себе на колени, мужчина плакал. Плакал страшно – с хрипом, с кровавой пеной. Так плачут перед уходом – умирая.

Страшный плач.

По мостовой зацокали подкованные сапоги – к умирающему и мертвому подошел убийца. Остановившись возле канавы, в шаге от своих жертв, парень бледно улыбнулся и нежным, тихим голосом спросил:

– Элмарен, ты узнаешь меня?

Умирающий с трудом приподнял голову, глянул слепо, непонимающе.

– Вижу, что не узнал. Посмотри внимательнее.

Убийца наклонился, отбросил капюшон, рассыпав по плечам водопад длинных светлых волос.

– Посмотри. Хорошо посмотри. Ты умираешь, но там, куда ты попадешь, ты должен помнить о том, кто тебя туда отправил. И ты будешь знать, что это только начало.

Элмарен дернулся, упал на бок, захрипел, с неописуемым ужасом глядя на убийцу, с натугой простонал:

– Хэ... Хе... Хээлен... отродье... ты-ы-ы...

Стон перешел в бульканье, изо рта хлынула кровь, началась агония.

Убийца, вернув капюшон на голову, будто в воздухе растворился. Исчез во тьме. Дело это нехитрое – ведь фонарь над входом тоже разбило, а из-за туч ни звезды, ни луна, ни Шрам не достанут.

Пуго и сам не понял, что его дернуло шагнуть лишних два шага и склониться над телами. Наверное, интуиция. Не так выглядели эти парни, не так. Не бывало здесь таких никогда. Не то с ними что-то... совсем не то...

Потянувшись к умирающему, медленно поднял капюшон. Не веря своим глазам, крепко зажмурился, взглянул еще раз. Убедившись, что зрение не обманывает, нервно икнул, на грани слышимости потрясенно прошептал:

- Зайцы... мать их... Зайцы... Хана мне теперь...

Встав, Пуго, шатаясь, потопал в сторону ворот. Он, конечно, не надеялся, что сможет уйти из города. Не уйти ему - его же первого искать теперь начнут. Трактир, будь он неладен... Но и оставаться здесь он тоже не мог.

Надо делать хоть что-то. Нельзя стоять на месте. Нельзя. Плохое это место.

* * *

Тихо журчит вода под старой мельницей. Рабочие сняли с колеса лопасти, а новых не поставили. Незачем ставить - река здесь обмелела, ушла в новое русло. Там теперь строят другую мельницу, получше старой. А сюда никто и не заглядывает, тем более ночью, в предрассветный час, когда вся нечисть озверело ищет добычу, спеша насытиться перед дневной спячкой. А ведь в омутах под мельницами много чего нехорошего прятаться может.

Плохое место. Если бы кто-то в эту пору проходил мимо, то сам убедился бы в этом. Из окон и щелей струится мерзкий синий свет, внутри что-то потрескивает, и кто-то бубнит на неизвестном языке.

Не иначе некры какую-то гнусность творят.

- Целое стало меньше.

- Мы ощутили потерю.

- Наша часть и так мала, а теперь стала еще меньше. Нам больно.

- Твоя боль – боль части и целого. Мне больно вместе с тобой.
- Целое, впусти часть со мной, дай мне прикоснуться. Издалека прикоснуться. Почувствовать.
- Тебе не дадут это осуществить. Ты потеряешь себя в целом. Твоя миссия как части еще не окончилась. Крепись и приблизь миг единения.
- Мне трудно. Но я сделаю все, чтобы объединить часть с целым.
- Найди того, кто сделал целое меньше. И прекрати его существование.
- Мы прервем его существование. Никто не должен делать целое меньше, даже если это часть.
- Целое имеет еще одно дело. Целое посмотрело все, что видело наше новое око. Целое нашло странное.
- Если часть должна знать, что это, то часть готова слушать про странное.
- Око сделало съемку Южного материка.
- Око делало то, что должно было делать. Мы должны сделать материк своим сейчас. И частью целого потом.
- Да, часть, око делало то, что должно было делать. И око нашло радиосигналы в дециметровом диапазоне. Источник сигнала был на Южном материке.
- Око нашло странное.
- Око нашло странное. Око сделало снимки места, откуда излучался сигнал. Око нашло там много странного. Такого странного мы еще не видели. Почувствуй то, что видело целое. Издалека почувствуй. Не приближайся.
- Целое, я хочу стать ближе.

- Терпи. Миг единения еще не настал. Смотри все.
- Я вижу. И мне хорошо. Я чувствую восторг. Я почти прикоснулся к целому.
- Целое ослабляет контакт. Целое недовольно. Часть не должна так сильно хотеть раствориться в целом. Это может мешать нашему делу.
- Целое, это не помешает нашему делу. Часть будет стараться приблизить миг единения.
- Целое верит. Целое показало части все странное, что видело око на Южном материке.
- Часть видит странное.
- Часть должна прийти на это место. Часть должна изучить это странное. И часть должна прекратить существование странного, если оно мешает нашему делу. Если странное не станет понятным - тоже прекратить. Непонятное опасно.
- Да, целое, часть готова.
- Прерываю контакт.

Синее мерцание померкло, рассыпалось жалкими искрами, потухшими почти сразу. Черный человек вышел из здания мельницы. Посмотрел вверх, в сторону городской стены. Скоро рассвет, ворота откроют, и он пройдет в город, растворившись в толпе крестьян и торговцев. И найдет там того, кто сделал целое меньше.

И прервет его существование.

Этот самец был хитер. Очень хитер. Но Тим тоже не дурак – нет в степи такой антилопы, что сможет его перехитрить. Да и не настолько хитер вожак этой маленькой стайки, раз приперся под самое становище, – похитрее козлы бывают. Грех упускать такой момент – и такие рога.

Рога отменные. Причем оба. У антилоп вечная проблема с ними – как брачный период, так ломают их друг о дружку. Тупые создания: лупят по крепким лбам. Часами стучат, покуда у кого-то из противников не помутится в глазах или рог наконец не сломается. Хотя в этом свой резон – в таком бою антилопы не убивают друг друга, не ослабляют популяцию. Но и сломанный рог не отрастает. А если сломал оба, то все – уже не самец. Таких выгоняют из стада, и долго подобные одиночки потом не живут. И верно – нечего плохими генами засорять популяцию. Стаду нужны самцы с крепкими рогами, чтобы любому хищнику можно было бока пропороть.

Раз этот самец дожил до таких лет и сохранил оба, значит, они у него крепкие. А учитывая их длину, ох и замечательный лук выйдет. Нет, этот лук, конечно, тоже неплох. Но он старый – дедовский, не свой. Настоящий мужчина должен принести мастеру все свое, добытое своими руками. И Тим это сделает.

Шарка мысли о генетике и регулировании развития популяции копытных не волновали. Что с него взять – обычный степной мальчишка. Горящими глазами косясь в сторону стайки, он выдохнул:

– Тим! Рога! Хорошие рога!

– Хорошие рога, – согласился Тим. – Давай догоняй. Я сниму его на скаку.

Жизнь на равнинах, среди кочевников, научила местное зверье опасаться человека. Даже самая глупая тварь знала, на что способен лук в руках этих голокожих обезьян. Антилопы держались подальше от мест, где охотник может подкрасться на расстояние выстрела. Хотя если не торопиться, то можно змеей проползти по траве и, вскочив, подбить зверя чуть ли не в упор.

Но сегодня Тим не хитрил – не тот случай. Эти рога он возьмет в честном поединке, дав добыче шанс на спасение. Шанс, честно говоря, слабый, но все же шанс.

Кунар пошел галопом чуть ли не с места – умному коню хватило легкого понукания. Хороший у Тима конь, а ведь как смеялись над мальчишкой, умолявшим не резать неказистого жеребенка. И ведь отбил его, не дал тронуть. И что? Выросло из корявого создания чудо степное – длинноногое, гибкое, глазастое, проворное словно ветер. Догнать Кунара лишь стрела может, да и то не всякая. Старики плевались, шептали о демонах, выкормивших скакуна кровью матери. Мужчины помоложе относились к Кунару более прагматично, таская к нему лучших кобыл, чтобы поднять новую породу. А уж молочной соской выкармливал Тим осиротевшего еще до рождения жеребенка или кровью кобылы-матери – их волновало мало.

Вожак антилопьеи семейки рванул с места, будто заяц. Хорошо пошел – такого попробуй догони. Будь у Тима простой конь – не догнал бы, конечно, но ведь несет его Кунар, а от Кунара не уйти. Ближе, ближе, еще ближе... Беременная самка отстала, испуганно шарахнулась в сторону. Беги, дура, – не нужна ты Тиму. Да и позорно такую добычу брать – разве что от голода умирая. Но голодом и не пахнет – уж мяса накхам всегда хватало.

Тим сжал ноги, давлением колена заставляя Кунара пойти правее. Умный конь отреагировал мгновенно, пошел куда попросили, подставляя дичь под выстрел. Подцепить кольцом тугую жильную тетиву, отвести назад, под самое ухо, развести пальцы... Широкий охотничий срез ударил вожака антилопьеи семейки прямо под затылок. Замечательный выстрел – после такого не надо гоняться за подранком.

Козел перекатился через голову, забил копытами, захрипел. Подскакав к нему, Тим осадил коня, потянулся за мечом, но отдернул руку – добивать добычу уже не надо.

Шарк даже на такой короткой дистанции ухитрился отстать прилично, но зрение у степняков орлиное – ни одной подробности охоты не упустил:

– Тим! Хороший выстрел! Ты ему чуть голову не отрезал стрелой! Можно я наберу крови?

– Можно, – разрешил Тим.

– Я рога тогда сам сниму. И печень вырежу, можно?

– Сколько тебе говорить, чтобы не жрал сырую печень. Сожрут тебя черви потом.

– А твой отец говорил, что у антилоп печень не червивая. Он говорил, что у медведей много глистов и у свиней.

– Не мог мой отец сказать такое.

– Я все не помню. Да и что это за черви, которых не видно? Если я не вижу в печени глистов, значит, их там нет.

– Так же говорил твой брат. А потом его утробу уксусом со жженой кровохлебкой заливали. И выманивали червя молоком и медом. Червь так и не вылез – и убил твоего брата.

– Неправда! Вылез! Начал вылезать! У Кумби не хватило терпения, и он закрыл рот. Откусил от червя голову и кусок тела длиной в две руки. А остальное извивалось от боли внутри брата, пока Кумби не умер.

– Вот и тебя ждет такое.

Шарк, подставляя ладони под рану, начал хлебать кровь. Все, что проливалось мимо, шло в плоскую кожаную чашу. Наполнив ее до краев, мальчишка протянул сосуд Тиму. Тот спешить не стал – достал крошечную коробочку, заполненную солью и степным перцем, приправил напиток, начал пить не торопясь, не покидая седла, держа чашу в левой руке.

Шарк, занявшись разделкой туши, не унимался:

– Как такой большой червяк мог вырасти из маленького кусочка печени?

– Это не из печени, это твой брат руки перед едой от навоза не отмыл. И подцепил глиста от коровы или лошади.

– Тим, ты сильный воин, но говоришь, как твой странный отец. Вроде бы слова понятны все, но что говоришь – не понять. Как может от навоза в животе

завестись червяк длиной в десять рук?

Тим вздохнул: любознательный мальчишка никак не успокаивался. Вот попробуй полудикому одиннадцатилетнему накху объяснить особенности жизненного цикла кишечных паразитов. Это же степняки – большинство не знает, что из одинокого семечка вырастает дерево. А те, кто знают, знают только потому, что не кочуют, а живут в становище. В становище все не так, как в кочевьях, – в становище есть огороды и даже поля со злаками. Конечно, земледелие на примитивном уровне и все равно закупать почти все зерно приходится на побережье, но все же объяснить пацану из становища, что из невидимого зернышка вырастает страшный червь, было бы попроще.

Кунар первый почуял приближение всадников, повернул голову в сторону кургана. Тим, доверяя чутью коня, обернулся туда же, руку автоматически послал поближе к колчану. Если что – бросит чашу и успеет выпустить стрелу за три удара сердца.

Из-за старого кургана показалась четверка всадников. Еще не видя лиц, Тим понял – это родственные накхи. С виду все кочевники одинаковы, но это для дураков с побережья. На деле между ними великое множество различий. У каждого рода своя система бляшек на конской сбруе, разная высота закатанных полей у шапочек и шлемов; гириты под уздечку вешают связки крысиных хвостов, оламеки туда же цепляют скальпы врагов, и так далее. Опытному взгляду достаточно мгновения, чтобы определить, кто ты такой.

Разглядев лица, Тим узнал лишь одного: молодой мужчина – из того кочевья, что пришло к становищу вчера, остальные – дети не старше Шарка. Кочевье невеликое – и полусотни народа не наберется взрослого. Пощипали их где-то на востоке оламекские волки-воины, теперь, говорят, сливаться они думают с кем-нибудь, покуда род опять не окрепнет.

Странно, что уже взрослый воин с детворой якшается, – не по возрасту ему наставником мелочи быть, да еще и трех сразу. Ну да в чужом роду, может, и порядки свои.

Четверка осадил коней перед Тимом, закружила вокруг хороводом. Мальчишки презрительно цокали и сплевывали под копыта коня, мужчина гонял коня молча, бросая на Тима злобные взгляды. Тот и ухом не повел на угрожающую пляску

степняков – продолжал осушать чашу, флегматично поглядывая в сторону кургана.

Покружив с минуту, мужчина решил, что ритуал демонстрации собственной крутости можно считать законченным. Не настолько велика добыча, чтобы, привлекая к себе удачу парочки ребят, кружить вокруг них четверть часа. Такая антилопа – добыча хорошая, но не знатная, хватит и минуты ритуальной карусели, если ты, конечно, не излишне суеверен.

Осадив коня, мужчина произнес:

– Я – Норг из рода Шулаков, сын Инина из рода Шулаков, что погиб от собак-оламеков, и мать моя Гнира из рода Ликадов, здравствует и поныне, выносив четырнадцать детей и вырастив четверых. Это мои младшие кунаки: Бирго, Анахем и Пивисар.

Тим, допив кровь, взмахнул чашей, стряхивая последние капли, спрятал в седельную сумку, сложил руки на луке седла, степенно представился:

– Я – Тимур из рода Ликадов, сын Сергея, что небесный безродный, здравствует и поныне; мать моя Энеяна из рода Ликадов, выносила шесть детей, вырастила одного, умерла при родах. Это мой младший кунак Шарк.

Норг ослабил:

– Я слышал о тебе, Тимур. Это правда, что твой отец пришел с неба, а твой конь может обогнать стрелу?

– Да. Отец мой явился с неба. Кунар – мой конь, он быстр, и стрелу, думаю, может, и обгонит. Не хочется мне этого проверять – ведь может и не обогнать.

Степняки дружно заржали – столь простые шутки им нравились.

– А правду говорят, что вы пришли, чтобы слиться с родом Ликадов?

– Да, Тимур, правда. Нас мало, наши мужчины изранены, мы не можем кочевать сами. Нас так мало, что даже мне приходится делить степь с тремя младшими

кунаками сразу. Говорят, твой конь – нерожденный? Это тоже правда?

– Правда, – кивнул Тим.

– Как это может быть?! – с суеверным опасением поинтересовался Норг.

– Мать Кунара погибла: в нее попала стрела при набеге оламеков. Я увидел, что ее брюхо шевелится, и разрезал его, вытащил жеребенка. Потом сам его выкармливал несколько дней, пока он не окреп и не стал бегать за кобылой-кормилицей.

– Ты очень хитрый, раз в неродившемся жеребенке разглядел такого коня. Ты покажешь нам место, где твой отец сошел с небес?

– Мне надо закончить с этой антилопой. Я взял ее из-за рогов, но бросать мясо не стоит тоже.

– Конечно, – кивнул Норг. – Мои кунаки помогут разделать тушу, и потом мы можем посмотреть на то место.

– Хорошо, – согласился Тим. – Но поспешите: нам до того места добираться придется час. У вас лошади уставшие.

Мальчишки, спешившись, повытаскивали ножи, принялись помогать Шарку. Глядя, как они жадно жрут печень, Тим поморщился, но ничего не сказал.

На вторую лекцию о паразитах его не хватило.

* * *

Анахем, склонившись, изучил следы, удивленно заявил:

– Это человек! Тут пешком прошел человек!

– Тебя не спрашивают, кто прошел, все и сами видят, – одернул мальчика Норг.

Тим, покосившись на воина, заметил в его глазах неуверенность. И в самом деле трудно поверить, что кто-то по степи своими ногами может передвигаться. Если ребенок здесь пошел – это еще не радость, радость – когда начинает в седле держаться. Все – этот младенец уже настоящий ребенок, его вырастили. Теперь несколько лет – и в кунаки пойдет.

Страшное наказание – это когда тебя отвозят в сухую степь и бросают там одного, без коня. Тот, у кого нет коня, уже не степняк. Он – вне закона. Не доберется до него стрела кочевника, так хищники догонят. Конь и человек в степи – это две половинки единого целого, разделять их нельзя.

Норг обернулся:

– Тимур, мне жаль такое спрашивать, но не изгоняли ли у вас из рода кого-нибудь недавно?

– Нет, Норг, не было такого. И я не слышал, чтобы это было у соседей.

– Они могли молчать о таком позоре.

– Могли.

– Тимур, трава еще шевелится, он ходил здесь недавно, мы его быстро догоним и принесем в становище его голову.

– Я не вижу у тебя знаков посвящения. Ты – не воин. И я не воин. А это – всего лишь младшие кунаки.

– Если ты не воин, то почему у тебя есть меч?

– Я снял этот меч с врага. Убил врага сам. Меч врага – мой меч: мое право.

Норг презрительно сплюнул:

– Тимур, и ты, такой грозный убийца, испугался пешего? Не бойся – твой быстрый конь, если сильно постарается, унесет тебя от него. Ведь этот изгой – пеший.

Кунаки Норга обидно заржали. Но Тимура этим не пронять:

- Норг, твои слова меня не заставят делать глупое дело. Если у этого человека есть лук, он может ранить или убить младших кунаков. Подумай о таком позоре.

- Я подумал. Наш род теперь слаб. Если принесем голову этого изгоя, покажем, что мы - не грязь под копытами оламеков. Это согреет сердца сородичей. Старики скажут, что род не угас. Он расцветает вместе с нашим взрослением. А ты можешь идти за нами. Посмотришь издалека.

- Это твой выбор, Норг. Но все же побереги кунаков.

- Я так и сделаю. Они пойдут за мной - я первым встречу этого изгоя.

Четверка накхов-шулаков рванула по следу. Шарк, посмотрев им вслед, жалобно прогудел:

- Теперь они убьют изгоя сами - и станут говорить всем, что мы испугались.

- Шулак - люди глупые и завистливые. Какие бы подвиги мы ни совершили, всегда найдутся злые языки, которые будут говорить плохое. Так что не обращай внимания на молву.

- Все равно мне обидно будет.

- Норгу голова изгоя нужнее. Он из Шулаков, а у тех принято на уздечку подвязывать узелок из волос убитого врага. У Норга нет ни одного такого узелка, а он уже созрел для воинства. Его это тяготит. А мне этого не нужно.

- Тебе хорошо говорить - ты убил зимой двух оламеков и привел их коней. А я когда смогу убить своего первого врага?

- Рано тебе еще.

- Ты всегда так говоришь. Тим, мы останемся или пойдём следом?

– Мы пойдем за ними. Нам все равно туда идти.

– Зачем?

– Шарк, не будь глупцом. Мы обещали им показать место, где мой отец сошел с неба. След ведет как раз туда.

* * *

К Мокрому урочищу Тим и Шарк добрались через час. Ровная, как лепешка, степь здесь изменяла себе: сваливалась вниз, в плоскую долину. На дне ее сочился крошечный ручеек, не пересыхавший даже летом; правда, местами он исчезал полностью, прячась под землю. Далеко внизу вдоль русла протянулась серия крошечных озер – туда пастухи любили гонять стада на водопой, там же частенько останавливались проходящие кочевья накхов.

А сюда люди забредали нечасто – среди кустарников и деревьев трудно пасти скот, да и дикие собаки со всеми удобствами воруют здесь молодняк. Почва каменистая, трава скудная – нечего тут делать степнякам.

Тим подъехал к хвосту установки, остановился в десятке шагов. Ему нравилось смотреть на эту гору исковерканного металла – несмотря на сильные повреждения, часть металлической птицы выглядела будто кусок тела настоящей, живой птицы. Только птицы огромной. Страшно представить, какая сила поднимала все это сооружение в небо, и ту кузню, где выковали такую огромную штуку.

Шарк, очевидно, мыслил схожим образом.

– Тим, а скажи правду – твоего отца и всех ваших сородичей великаны сбросили с небес?

– Почему ты такое подумал?

– Ну сам посмотри – это какой горн должен быть, чтобы такие куски металла вместил. И какая наковальня. И молот. Человек такое не выкует. Только великан.

– Это не выковывали. Этот вообще не железо.

– Я знаю. Волшебный металл. Красивый, но плохой. Не годится ни на оружие, ни на доспехи.

– Хватит язык чесать, едем дальше.

Тим направился вниз. Путь его пролегал параллельно той тропе, которую, умирая, проделала рукотворная птица. Мокедо рассказывал, что они долго кружили над степью в поисках удобного места для посадки. Мокедо не хотел сажать сюда машину, но командир экипажа решил иначе. Рассказывая об этом, Мокедо всегда сожалел, что не смог его отговорить – может быть, таинственный командир установки выжил бы.

Командир погиб сразу, когда машина, ударившись о землю, лишилась хвоста и керамического щита. Установка, скользя вниз по склону, снесла несколько деревьев, ствол одного из них пробил днище под кабиной и угодил прямоком в живот командиру. Все это происходило так быстро, что тело разорвало простой древесиной – Тиму всегда было непросто представлять этот момент. Броня, защищавшая экипаж от холода космоса и огня возмущенной атмосферы, легко сдалась перед степным деревцем.

Шарк, дурачась, попробовал направить лошадь на оторвавшееся крыло, но животное фыркнуло и заупрямилось – не желало наступать на сомнительную поверхность.

– Не надо туда коня заводить, – предостерег Тим. – Крыло пустое внутри, металл тонкий и изодранный от удара, может не выдержать. Если копыто провалится, твоя лошадь сломает ногу.

Кунак шарахнулся назад: если он лишится лошади, Тим поступит с ним сурово. Запросто может пешком погнать до становища, да еще и палкой при этом подгонять. Такой позор смыть будет непросто.

Фюзеляж, лишившись крыльев, скользил еще долго, остановившись лишь на дне долины. Внизу он к тому же перевернулся и последние метры прошел боком, нагребая перед собой содранный дерн и кустарник. Ручей по весне и после ливней разливался хорошо и за эти годы нагреб на останки орбитального

челнока немало своего мусора. Фюзеляж превратился в основу настоящей дамбы, запрудив русло. За ним теперь синело маленькое озеро.

На его берегу Тим разглядел первое тело.

Приподнялся в стременах, напряженно всмотрелся, углядел синюю кунаковскую шапочку, прошипел Шарку:

– Поворачивай назад и жди меня наверху. Похоже, Норг потерял одного кунака, я не должен потерять тебя.

Шарк послушно развернулся, уже на ходу уточнил:

– Может, мне скакать в становище? Позвать мужчин Ликадов и Шулаков?

– Не надо. Неизвестно, что тут случилось, может быть, над нами эти шакалы просто шутят, и мы опозоримся. Но если меня не будет долго, тогда скачи очень быстро и зови помощь.

Проводив удаляющегося Шарка взглядом, Тим двинулся дальше. На ходу достал лук, подумав, извлек из колчана пару срезов – один зажал в зубах, второй наложил на тетиву. Вряд ли человек, передвигающийся по степи на своих ногах, будет облачен в серьезные доспехи, которые пробивают боевыми трехгранниками. А раз так, то лучше бить срезами: тут уже все равно куда попадешь – кровь рекой хлестать начнет, жертва быстро лишится сил даже от раны в ноге или руке.

Добравшись до берега, Тим с высоты седла осмотрел тело. Это был Анахем, но узнать его можно было лишь по ромбической вышивке на боках шерстяной безрукавки. Лица у Анахема не осталось – вместо него бугрилась жуткая личина, собранная из отслоившихся кусков багрового пропеченного мяса и лоскутьев свернувшейся обгорелой кожи. Мальчишку будто в костер прогоревший лицом окунули и подержали в углях, пока брыкаться не перестал. Вот только не видно поблизости костров. Да и будь дело так, спалило бы и шапочку, и плечи, и грудь. А ведь ничего не тронуло – лишь лицо сожгло.

Кунар всхрипнул, показывая хозяину, что соседство с мертвым телом ему не нравится. Инстинкт коня подсказывал, что от таких мест надо держаться подальше: где-то рядом крутится тот, кто убил, да и падальщики на это дело быстро сбегаются. А падальщики здесь такие бывают, что хищники перед ними поклоны гнут.

У противоположного берега в воде плавало тело еще одного мальчишки, а дальше, возле кустов, лежала туша коня. Остервенело квакали лягушки, подсказывая, что возле озера опасности нет. Но это не слишком успокаивало – страшный убийца где-то рядом. Как он может жечь юрких степняков? Нет такого оружия. Или это боевой маг из далеких северных земель? Но разве не почуяли бы его шаманы накхов? Должны были почуять.

Где искать этого странного изгоя, убившего как минимум двоих кунаков глупца Норга? И как его победить?

Внутри фюзеляжа громыкнули металлом.

Соскользнув со спины коня в траву, Тим присел, шлепнул Кунара по голени.

Кунар – не простой конь, он конь нерожденный. Умен не по-лошадиному, понимает хозяина с полунамека. С места рванул будто в погоню, проржал злобно, как бы вызывая невидимого врага на бой.

И враг показался – выскочил из дыры в фюзеляже. Высоченный черный человек. Черное пальто – такие иногда носят люди на побережье, – черные брюки, черная шляпа. Как он не засох от жары в таком наряде среди сухой степи?!

Черный человек поднял руку. В руке было зажато что-то непонятное, но явно плохое. Может быть, то, чем он сжег лицо Анахема. Некогда разглядывать – не стоит испытывать скорость его магии, можно потерять Кунара.

Срез ударил черного человека в бок, повыше поясницы. Будь это пальто простым – разрезал бы ткань и мясо, сокрушил ребра, распорол легкое. Упал бы убийца, булькая кровавыми пузырями и выплеснув реку крови. Однако пальто оказалось хитрым: стрела застряла в ткани, не пробил. Но удар вышел хорошим – не удержавшись на ногах, противник завалился в воду. Отлеживаться не стал, тут же вскочил, поднимая руку, повернулся в сторону Тима.

Второй срез ударил черного человека в лицо. Ты изуродовал Анахема, а теперь Тим изуродует тебя. Широкий наконечник вспорол щеку от уголка рта чуть ли не до уха, с треском сокрушил зубы и кость, застрял в черепе. Страшная рана – от такого шока даже степной бык свалится, но этот великан не упал, лишь пошатнулся. Из руки вырвался ослепительный белый шар, со свистом ушел вверх.

Больше стрел не было, прятаться тоже некуда, и сбежать не получится – шар летает не медленнее стрелы.

Тим бросил лук, пригнулся, выхватил из-за голенища узкий нож, обманно рванул влево, но тут же поменял курс, прыгнув вправо. Левее сверкнуло, новый шар, ударив в землю, рассыпался мириадами искр, взметнулся густым дымом от влажной осоки.

Еще один прыжок, уже вперед – и новая вспышка, теперь за спиной: быстр черный человек, очень быстр, но Тим быстрее.

Тим вскинул руку, угрожающе замахиваясь ножом. Черный человек невольно дернулся, готовясь увернуться от клинка. Но юный нах не дурак, чтобы надеяться разрешить бой таким сложным способом: если этот великан сумел со стрелой в лице воевать, то ножом его и подавно не остановишь.

Тим левой рукой потянул за петлю кистеня, рванул вперед, прыгнул, распластавшись в прыжке параллельно земле, взмахнул оружием. Черный человек уже выцеливал юркого противника, но выстрелить не успел – гирька угодила точно по запястью, выбив блестящую штуку, зажатую в ладони.

Оружие, из которого черный человек метал сжигающие шары, отлетело в озеро. Не успело оно еще коснуться воды, как Тим, вскочив с земли, в длинном выпаде попытался вонзить нож в глаз черного человека.

Зря он это сделал. Очень зря. Убийца пресек атаку, ухватившись за запястье, потянул противника к себе. Тим вскрикнул от боли – суставы затрещали, вот-вот лопнут кости. Да что это за демон, которого не берут стрелы! Он, похоже, из железа сделан – сопротивляться невозможно, сила дикая.

Но Тим сопротивлялся. Ухитрился перехватить в зажатой руке нож, сунуть лезвие под обшлаг рукава пальто, от души там полоснул. Сталь острая – хоть брейся, кровь хлынула рекой, но эта ходячая гора даже внимания не обратила на такую неприятность. Ухватил Тима второй рукой за плечо, рванул вверх, подняв, будто мешок с соломой, швырнул о землю.

Спасибо Мокедо – если бы не его уроки, выбило бы из Тима дух после такого удара. Не выбило – извернувшись в воздухе, он встретил землю упреждающим ударом рук, пустил тело вбок, перекатился, встал. Горели отбитые предплечья и ушибленное плечо, но это ведь мелочи – на уроках Мокедо иной раз не понять было, осталось ли в теле Тима хоть что-то, что еще не болит.

Черный человек деловито шагнул вперед, протянул руки, собираясь вновь ухватить прыткого парня. Теперь, наверное, кидаться им не станет, а попросту придушит или даже раздавит.

Тим побежал. Побежал быстро, надеясь, что противник не скоро достанет свое оружие из озера. Но черный человек не стал задерживаться – рванул следом, рванул быстро, невероятно быстро. Да как подобная живая гора может бегать со скоростью лани?

Тим понял – ему не уйти. Через тысячу или миллион шагов черный человек его обязательно догонит. Этот демон, похоже, готов гнать добычу до самого побережья, а вот Тиму столько не продержаться.

Тим свистнул. Свистнул призывно. Умный Кунар появился чуть ли не мгновенно, вынесся из кустов, чуть повернул, помчался параллельно хозяину, идя на сближение. Прыжок – и все, Тим в седле. Спасен. Не догнать теперь Тима черному человеку.

Будь на месте Тима кто-нибудь другой, то так бы и мчался до самого становища, но Тим не такой. Тим помнит, что где-то здесь еще остались Норг и его третий кунак. Не исключено, что они еще живы, – не стоит оставлять соплеменников в этом урочище. Против черного человека у них нет ни одного шанса. Да и нельзя давать врагу передышки – вернется, найдет в озере свое оружие и встретит воинов-накхов огнем.

Между тем черный человек не останавливался, так и бежал – видимо, силой его одарили в ущерб разуму: ну разве может пеший в здоровом уме гнаться за конным?

Обернувшись, Тим увидел, что на бегу убийца деловито тянется за пазуху, что-то там нашаривает. Это Тиму не понравилось – а вдруг у него там припрятаны запасные блестящие штуковины для сжигания людей? Рука ухватилась за бухточку свернутого аркана, сдернула с деревянного крепежа, пальцы вслепую прошлись между веревками, встряхнули, отпустили узелок.

Тим осадил коня, раскрутил аркан над головой, ловко метнул навстречу врагу. Черный человек вскинул руки, пытаясь ухватить веревку, но не сумел – так и угодил в петлю, затянувшуюся под мышками. Кунар, получив пинок в бока, обиженно проржал, ринулся вперед. Тим успел перехватить конец аркана через переднюю луку, потянуть на себя, помогая коню сбить добычу с ног. И им это удалось.

Черный человек рухнул поверженным колоссом, а это – все, конец. Кто упал, тому встать уже всадник не даст – враг понесся по степи волочащейся тушей. Все колючки, все ветки, все бугорки у нор грызунов, все камни – все теперь его. Достаточно несколько минут потаскать воина по буеракам, чтобы превратить его в комок стонущего мяса. И непробиваемая одежда здесь не поможет – голову она не защитит.

Тим садистски выбирал самые непростые пути – чтобы камней было побольше и ухабы были покруче. Черный человек поначалу дергался. Пытался выбраться из петли, но быстро оставил это дело, затих. Тут только нож может спасти, но если у него и есть засапожник, то теперь до него не дотянуться.

Кунар вырвался наверх, вдалеке Тим увидел Шарка, но ехать к нему не стал – помчался вдоль урочища, к ближайшему кургану. Он не знал, чья это могила, вроде бы очень старая, до накхов еще оставлена. Да какая разница чья – главное, что там, на вершине, стоит грубый каменный идол. Здоровенный идол – такого и десять мужчин не поднимут.

Как раз то, что сейчас надо.

Конь взлетел на вершину кургана, послушно обогнул идола, затем резко рванул на прежний курс. Кунару хорошо – как хочет, так и скачет. А вот черному человеку такие маневры недоступны – влетел головой в камень. Хорошо влетел – с треском. Остановленный рывком аркана конь взвился было на дыбы, но удержался, рванул дальше – крепкая веревка из конского волоса не выдержала, лопнула.

Тим, еще не веря в гибель черного демона, выхватил меч, развернул коня, помчался к идолу, отводя оружие для косога удара. Не понадобился удар – не может человек выжить, если ему голову о камень разнесет. Ну может, и не разнесло, но чудом не потерявшаяся шляпа теперь почти до плеч доставала – голову сплющило чуть ли не вдвое.

Остановившись над поверженным противником, Тим спрятал меч в ножны, сплюнул труп на спину, развернул коня, направился вниз.

Шарк, не утерпев, подскакал поближе, заорал:

– Тим, что мне делать?

– Езжай за мной. Я убил этого изгоя. Но он убил двух кунаков Норга. Третьего кунака и самого Норга надо найти – может, они раненые где-то внизу валяются. Когда найдем, вернемся в становище.

– А может, сперва обыщем этогодохлого изгоя – вдруг у него есть золото?

– Зачем? Мы с тобой не воины, старшие отберут у нас все ценное, что найдут. Вот пусть сами и обыскивают.

– Тим, ты правильно тогда сделал, что не стал ехать вместе с ними. Они притянули бы к нам свою неудачу, и мы бы могли умереть.

– Шарк, я всегда все делаю правильно. Тебе бы пора уже это запомнить.

* * *

- Целое стало меньше.
- Мы ощутили потерю.
- Это вторая часть за один день. Это большая потеря для нашей части.
- Мне тоже больно. Но это не должно мешать нашему делу.
- Не должно. Но что теперь нам можно сделать – ведь часть не вернуть?
- Часть не вернуть. Но надо закончить дело, начатое частью. Район, где нашли странное, должен стать нашим быстро.
- Это противоречит нашим планам.
- Мы изменим планы. Странное важнее. И потеря части важнее.
- Да. Важнее. Мы изменим планы.
- Теперь нам надо прервать существование тех, кто сделал нас меньше на две части.
- Мы прекратим их существование.

Глава 3

Сеул не спал уже две ночи. Первую ночь он развлекался с женщиной. Женщина пользовалась благоприятным моментом – муж ее по делам покинул город на день, и она требовала от любовника всего того, чего ждала от него целый месяц. Вторую ночь ему пришлось дежурить в управе, и дежурство выдалось таким, что не подремать. Другой бы на его месте уже свалился от усталости, но Сеул – не слабак. Да и как тут свалишься, если нет уверенности в том, что поспать следующей ночью удастся, да и вообще доживешь ли до нее...

Королевский префект Юронус этой ночью поспал хорошо. И прошлую ночь тоже спал. Но вид у него был не менее усталый, чем у Сеула: он также был не уверен, что доживет до следующей ночи. А если и доживет, то могут не дожить многие из его подчиненных – ценных подчиненных. И так в наше время толковых работников не сыщешь, а уж терять их таким глупым образом любому начальнику обидно.

С другой стороны, Юронусу надо во что бы то ни стало сохранить свою шкуру и шкуры тех протеже, которых терять нельзя. К примеру, Риолина. Парень, конечно, кретин полнейший. Но вот родители его очень огорчатся. А если вспомнить, кто его родители, и особенно кто родной брат его отца... Нет, нельзя Юронусу этого кретина отдавать зайцам. Лучше уж Сеула отдать. И Дербитто. Оба, конечно, исключительно ценные работники, и заменить их будет трудно – подсунут на их места стандартных сынков-кретинов по протекции. Ну а Дербитто и Сеул поднялись из низов не потому, что они чьи-то дети, а потому что в голове у них не пустота, да и ленью оба не отягощены. Но раз за ними нет никого, облеченного властью, то ничего не поделать – они лучшие разменные фигуры в этой игре.

Сеул это понимал. И Юронус это понимал. И оба понимали, что все это понимают. Так что весь этот утренний разговор был не более чем ритуальным фарсом.

– Господин Юронус, за одну ночь физически невозможно окончить розыск. Район сложный, а наши возможности невелики.

«В Столице меж стен вообще беременного дракона можно спрятать – и месяц искать. Да и людей у нас мало, потому что вся управа дружно не вышла на работу – кто-то вдруг заболел, кто-то вообще пропал. Никто в здравом уме не желает замарываться этим делом».

– Сеул, я прекрасно это понимаю, я не требую, чтобы вы сейчас убийцу из шляпы вытащили. Но раз уж на ваше дежурство выпало это прискорбное преступление, то во дворец Леса придется идти вам и там докладывать нашим... нашим союзникам обо всех обстоятельствах этого неприятного дела. Вас там уже с нетерпением ждут.

«Не повезло тебе, старина Сеул, – зря ты в эту ночь дежурить вышел. Теперь тащи свою задницу в зайчатник, и там с ней будут делать плохое, так как тебя

выбрали крайним».

– Господин Юронус, а не проще ли повременить с этим до вечера? Кто знает, может, убийца отыщется... время-то еще есть – по Договору мы должны выдать виновников до заката.

«Блин! Да у нас последний шанс остался выкрутиться – найти убийцу до темноты. Если нам повезет, все проблемы решатся сами собой. Не лишай нас этого шанса!»

– Сеул, мы не можем терять время. Во дворце Леса ждут вашего доклада... очень ждут, так же, как ждали в Неринге. Не стоит испытывать терпение наших... союзников.

«Хрен тебе без соли, а не вечер. Пару лет назад в Неринге городской префект также затянул время до вечера, надеясь найти тех идиотов, что прирезали зайца. Найти их ему не удалось. Зайцы тогда обиделись и прикончили половину управы с префектом во главе, да и стражу не пожалели. И по букве Договора они были в своем праве. Так что вали-ка ты бегом к ним – может, отделаемся малой кровью».

– Ну что же... господин Юронус. Надеюсь, мне удастся утихомирить гнев... наших союзников... Хотя думаю, вряд ли... Слишком он велик, чтобы хватило одного лишь меня... Дербитто не в счет...

«Старый хрыч, если ты думаешь, что зайцам хватит пары шкур, то ошибаешься. Обдерут всех, оптом обдерут, и, скорее всего, тебя тоже».

– А вы постарайтесь. Надеюсь на вашу дипломатичность и жду вас с нетерпением – надо будет решать, что теперь делать дальше. Идите же.

«Сеул, хоть слона через ухо роди, но избавь нас от этой проблемы. Я мечтаю, что ты вернешься живым: если уж тебя пощадят, то, значит, остальным тем более ничто не грозит. Так что вали поживее».

В коридоре, уже перед выходом, Сеул чуть не столкнулся с Пулио. Младший дознаватель, несмотря на утренний час, благоухал, как винная бочка, и

держался на ногах неуверенно. С такими родителями можно не то что пьяным на службу являться, а еще и баб в допросную таскать, и музыкантов с дрессированными медведями, и вообще гадить под дверями кабинетов. И везучий же оболтус – не в его ночь выпала эта неприятность.

Толстяк, завидев Сеула, радостно осклабился:

– Ба! Сеул! Рад видеть! А то мне тут уже наплели, что твою шкуру зайцы на воротах сушат!

– Нет, Пулио, она пока при мне... дали поносить немного...

– Не понял?

– И не поймешь...

* * *

Сеул в зайчатнике никогда не бывал. Неудивительно – ему там делать точно нечего. В гости туда не приглашают, и вообще это одно из немногих мест в городе, от которого надо держаться подальше всем поголовно. Это территория зайцев, а законы зайцев – это не законы людей, в них разве разберешься. Если тебя прирежет заяц, то ничего ему за это не будет – в своих законах и договорах с Империей они всегда найдут пункт, доказывающий, что именно так и должно было быть.

Заяц всегда прав.

Если ты думаешь, что заяц неправ, значит, неправ ты.

Если ты захочешь с зайцем поспорить на эту тему, тебя прирежут за оскорбление Леса.

Если ты, не желая быть прирезанным, попытаешься убежать, тебя найдут и убьют. И еще парочку прирежут – кого-нибудь, кто рядом пробегать будет.

А если ты вдруг прирежешь зайца, то тебя не просто прирежут – тебя ждет мучительная и страшная смертью. И это же проделают еще с кучей народу: кто видел, как убивали зайца, кто по утрам продает тебе свежий хлеб или кто вообще случайно проходил мимо.

Заяц всегда прав...

Карета остановилась возле ворот. Дербитто спокойно произнес:

– Господин Сеул, приехали.

– Дербитто, неужели тебе не страшно? Я поражен твоим спокойствием.

– Господин Сеул, у меня есть верные люди. И они легко выведут нас из города. В провинции друзей тоже хватает – за годы ТАКОЙ работы, сами понимаете, невольно обрастаешь самыми разными связями. Думаю, у вас все аналогично. При желании мы с вами уже через пару недель максимум сможем вообще покинуть Империю.

– Ты всерьез мне предлагаешь бежать?

– Нет, господин Сеул, я просто показываю вам, что, имея я такое желание, спас бы свою шкуру без труда. Ну или точнее, у меня неплохие шансы ее спасти. Но я этого не делаю. И вы этого не сделаете. Мы с вами, разумеется, оба циники и напрочь лишены идеализма. Но оба понимаем, что наше бегство такой шлейф проблем поднимет и столько прикончит... не нужна ни мне, ни вам такая цена. Так что зачем бояться того, на что идешь сознательно? Мы делаем это осмысленно, взвесив все. И вы, и я всерьез рассчитываем покинуть этот дворец своими ногами, и оба готовы приложить все силы для этого. И страху в наших расчетах не место – он лишь помеха.

– Ладно, Дербитто... что ты ни говори, а мне слегка страшновато...

– Ну и мне... немного... Человеческие слабости...

– Если мы выберемся оттуда, я хочу с тобой кое о чем поговорить. Мне кажется, ты подходящий человек для нас.

– Для кого?

– Надеюсь, ты об этом узнаешь. И примкнешь к нам. Но что бы там, во дворце, ни произошло, мне будет приятно, что я попал туда вместе с тобой. Ты – надежный спутник.

– То же самое я говорю и о вас. В такой компании и зайцы не страшны.

– Тогда пошли... пообщаемся с... союзниками...

* * *

– Стоять! Тебе сказано – стоять! Ах ты, урод! Чего таращишься? Ну-ка шляпу снимай – что у тебя там под ней?! Лысина?! Ах ты, урод! Господин сержант, у этого каналы под шляпой лысый зад, да и толстый он, как боров! Ладно, проходи давай, считай, что сегодня тебе повезло.

Другим повезло меньше – в клетки привратной башни томилось уже десятка два задержанных. Армейскую стражу сегодня потеснили городские служаки, никого не пропуская без придирчивого «осмотра личности». В воротах из-за этого образовалась двусторонняя пробка, народ роптал, но ускорить процесс не получалось.

Стража свирепствовала как никогда. Стражники ощупывали толстяков, проверяя, нет ли у них накладного брюха или боков. Придирчиво осматривали длинноволосых крестьянок, проверяя, своя ли у них грудь или накладная. Дергали стариков за бороды – вдруг приклеенные. Без всяких досмотров кидали в клетку худощавых юношей, не считаясь с длиной их волос. Иной раз кидали и не слишком худощавых, если те рисковали подойти к воротам в одежде с капюшоном.

Каждый час подъезжала грузовая карета, отвозя задержанных в управу. Там собрали несколько свидетелей из посетителей трактира и его obsługi. Не всех – всех пока не удалось найти. Но и этих вполне хватало для процедуры опознания. Пока что никого, похожего на подозреваемого, найти не удалось, и стража не снижала градуса рвения. Сегодня все городское жулье обрыдается – служаки закона сегодня на закон плюют. Хватают всех подряд, врываются в любой дом, и

жаловаться некому – при поиске убийцы зайцев все меры оправданны. Под шумок уже устроили капитальный шмон в уголках, куда прежде никак пролезть не могли. Уже был неслабый улов – горы контрабандных товаров, куча оружия, мастерская фальшивомонетчиков, подпольный бордель с детьми, целый склад акцизных печатей и клейменных подточенных гирь. А уж преступников переловили столько, сколько за месяц не ловят.

Но все не то – убийцы не было. Ускользал он от лап закона. Но бесконечно прятаться не сможет – из города всего несколько выходов, и все перекрыты надежно. Он заперт стенами. Если потребуются, Столицу перетрясут сто раз, не пропустив ни одной мышиной норы, но его найдут.

Вопрос времени.

Служака, облапив очередную крестьянку, ухмыльнулся:

– Ишь ты, какие буфера отрастила! Слышь, красавица, а может, ты из тех уродов-мужиков, что с выменем бывают? На ярмарке я такого однажды видел. Дай-ка я тебе под подол гляну, что там... Нет... ты точно не уродец с ярмарки... Ладно, проходи уже... Эх... сегодня служба как-то особенно приятна!

Перед капралом замерла тоненькая девушка, с затаенной иронией вежливо поинтересовалась:

– Вы и мое... гм... «вымя» подвергнете осмотру? Или сразу решите, что я уродец из ярмарочного балагана?

Капрал, взглянув на девушку, поперхнулся, тонким, не своим голосом, прокричал:

– Господин сержант! Тут синь из города идет! Девка!

– Синь?!

– Да, господин сержант, синь! Не парень, а явная девка! Парня так не замаскировать! Но волосы у нее светлые! Осматривать?!

- Дурень, неужто у тебя хватит смелости и тупости осмотреть синь?! Я потрясен!

- Эй... ты... девка... Если ты синь, покажи чего-нибудь такое... чтобы ясно было, что ты не переоделась в синь.

- Вообще-то я за подобное беру плату, но для вас – пожалуйста.

Голуби, оккупировавшие окрестности ворот, как по команде взлетели, закружили над головой стражника. Капрал витиевато выругался, когда на него начали сыпаться белесые кляксы, замахал руками:

- Эй! Уйми их! Уйми!!!

- Разве вам больше не надо демонстрировать мои умения? – невинно поинтересовалась девушка. – Я ведь только начала. Простите, что мало: я скромная ученица сельской магии, и познания мои так же скромны, как и я.

- Нет!!! Все!!! Вали отсюда в свою деревню грядки унавоживать или сразу в царство демонов и голубей этих с собой прихвати!!! Чтобы вас громом всех в зад поразило, всю вашу синеву, а тебя – целых три раза!!!

- Ну тогда пока – приятно было с вами пообщаться, но дела зовут.

Обгаженный сержант напоследок выругался магичке в спину, сплюнул. Ну что за день! Одна надежда – именно через его ворота пойдет убийца, и уж он, старый служака, его не упустит.

Ох и наградят же его за это!

* * *

Сеул был коренным горожанином. В городе родился, вырос, учился, работает, женится, заведет детей и умрет. И если умрет достойно, возможно, в городе его и похоронят. В сельской местности он если и бывал, то короткими набегами за преступниками, укрывающимися на овощных фермах, облепивших Столицу плотным кольцом. В этих перенаселенных местах дикого зверья практически не

уцелело. Кролика увидеть или фазана – радость великая, а о большем и не мечтай. Змею повстречать тоже трудно, так что узнать на практике, что означает фраза «змеиный взгляд», Сеулу не приходилось.

Но сегодня пришлось.

Взгляд у Эльалиена был змеиным. Натуральная змеюка. Женского пола гадюка. Женщин-зайцев в Столице никто никогда не видел, так что, может, не врут злые языки, рассказывая о том, что вдали от дома зайцы крутят любовь без женщин, обходясь друг другом. А если и врут, то все равно в Эльалиене женского не меньше, чем мужского: длинные светлые волосы, тонкие черты лица, чистейшая кожа, аккуратная прическа «волос к волосу», пальцы рук длинные, с ухоженными отполированными ногтями. Одежда тоже непростая – на легкий халат похожа. Такую женщина носить не побрезгует, а вот мужчина не всякий согласится натянуть.

Доклад Сеула Эльалиен выслушал молча. Он вообще ни одного звука не произнес с тех пор, как Сеула и Дербитто такие же молчаливые зайцы привели в этот зал. Тогда он произнес всего три слова:

– Я – Эльалиен. Говорите.

Сеул говорил долго. Не упустив ни одной детали. Голые факты – никаких домыслов и предположений. Дербитто, поначалу с любопытством осматривавший зал, под конец доклада чуть ли не дремал. Неудивительно – нечего здесь разглядывать. Зал такой, что десяток кабинетов префекта поместятся, и, по сути, кроме самого зала, тут смотреть не на что. Стены, пол и потолок из отполированного дерева, широченные окна с зеленоватыми стеклами – и, собственно, все. Ни мебели, ни ковров, ни гобеленов, ни светильников – ничего. Правда, сам Эльалиен мог легко сойти за предмет мебели: за весь доклад ни разу не шевельнулся – так и стоял истуканом.

– И последнее. Господин Эльалиен, я перечислил вам все, что нам удалось узнать в ходе расследования. Конечно, это не столь много, но поймите нас правильно – за такое короткое время больше разузнать не получилось. Но в одном я практически полностью уверен: убийца ждал именно ваших... товарищей. Он знал, что они появятся в этом трактире, и караулил именно их. Даже если трактирщик соврал о последних словах умирающего, показаний

других свидетелей достаточно, чтобы не сомневаться в моем выводе. И в связи с этим у меня к вам вопрос: нет ли у вас информации, которая могла бы помочь нам в поимке преступника? У убийцы был мотив, и нам крайне полезно будет о нем узнать. На этом, господин Эльалиен, мой доклад окончен.

Последние слова Сеул произнес с плохо скрываемой неохотой. Еще бы – пока он говорит, их с Дербитто вряд ли станут резать. Зайцы в любом случае выслушают свою жертву. Эх... жить-то охота – хоть вечно тут стой и, растягивая каждое слово, рассказывай обо всех следственных мероприятиях.

Эльалиен молчал. Молчал долго – минут пять, наверное. Хотя наверняка меньше – в такой ситуации каждое мгновение кажется вечностью. Сейчас в голове зайца зреет приговор парочке людишек.

Заговорил он внезапно, резко, заставив Сеула и Дербитто вздрогнуть:

– Значит, вы не приведете убийцу до заката?

Дербитто, покосившись на Сеула, рискнул ответить:

– Господин Эльалиен, мы приложим все силы, чтобы поймать этого мерзавца. Но обещать вам, что притащим его до заката, мы не можем. Город огромен, перетрясти его за один день невозможно. Но мы подняли всех и камня на камне не оставим от Столицы, а его разыщем.

– Не утруждайтесь – убийцы в городе уже нет.

– Что?!

Заяц, не обращая на Дербитто внимания, обернулся к Сеулу:

– Повторите мне еще раз последние слова Элмарена.

Дознаватель ответил без запинки:

– «Хээлен, отродье, ты». Трактирщик за каждую букву не ручается – умирающий говорил невнятно, он потерял много крови, да и яд от стрел

действовал всюду. И кроме трактирщика, этого никто не слышал – он единственный свидетель этих слов. И вообще, возможно, врет – мы не можем быть уверены в нем полностью.

– Скажите мне, Сеул, – дальнейшими поисками убийцы руководить будете тоже вы?

– Если ничего не изменится, то я.

«Если удастся живым выползти из вашего гнойного зайчатника, то я».

– Мы будем этим довольны – нас устроит ваша кандидатура. Найдите убийцу.

– Приложу все силы! Господин Эльалиен, вы уверены, что убийца уже покинул Столицу? Если да, то, может, у вас есть еще какая-либо информация, которая поможет нам задержать его?

– Если я сказал, что его в городе нет, значит, его в городе нет, – резко, почти брезгливо заявил заяц.

– Хорошо. Мы немедленно начнем поиски за городом. Мы поднимем все силы гражданских властей, армию и привлечем си... извините – магов.

– Уймись: убийца всего лишь один, и не надо против него собирать целую армию. И магов не надо. Езжайте домой, оба, и соберитесь для дороги. И соберите еще кого-нибудь покрепче из вашей управы. Потом отправляйтесь к восточным воротам. Там вас будет ждать наш друг Иллиций. Он поведет вас за город по следу убийцы. Догоните убийцу и приведите его ко мне. Или принесите его тело. Все, я больше вас не держу. Идите.

Сеул переглянулся с Дербитто – оба благоразумно промолчали. Хотелось бы, конечно, задать зайцу парочку вопросов, ну да ладно, не стоит наглеть: живыми выпустили – уже неплохо. В зал вошла та же парочка, что провожала их от входа, недвусмысленно приглашая убираться.

Уже в спину донеслись последние слова Эльалиена:

– И передайте вашему префекту, что дом Леса не забудет оскорбления, нанесенного Лесу в его городе, и если его не смоет кровь убийцы, то придется найти для этого другую кровь.

Все же заяц – мерзкий зверь.

Глава 4

Накхи жили в степи испокон веков. Разумеется, они в этом краю были не первыми – до них здесь обитали другие народы. Но не осталось от тех народов ничего, кроме курганов и черепков на месте стоянок. Племенная память пронесла сквозь века рассказы о походе в эти края и войнах с хозяевами этих земель. И, по рассказам, хозяева эти ничем не отличались от накхов – такие же кочевники.

Жизнь кочевника проста: вся его жизнь – движение. Не может кочевье оставаться на одном месте слишком долго – скотина быстро выбьет всю траву в округе, и придется перегонять стада дальше, на новые пастбища. Степь велика, но хороших пастбищ не так уж и много. Животным нужна вода, нужна сочная, высокая трава, и местность нужна поровнее, без крутых оврагов или каменных россыпей.

Перегоны между пастбищами ведут по кратчайшему пути, если он, разумеется, удобен, – своеобразные степные дороги. На таких дорогах кочевья не задерживаются – нельзя здесь долго стоять, иначе не останется травы для тех, кто может пройти этим же путем завтра. Дефицит пастбищ и этика переходов между ними поневоле обособляет одно племя от другого – все кочевники постоянно находятся в состоянии войны со своими соседями. Иначе нельзя: пустишь чужака на свои угодья – тот выбьет траву на перегоне или займет пастбище вне оговоренной очереди, и те, кто туда заявятся, не найдут корма для стада.

В районах, где плотность удобных пастбищ максимальна, на пересечении перегонов между ними неизбежно возникали постоянные становища. Это еще не города – это нечто среднее между кочевьем и стационарным поселением. Часть народа живет здесь постоянно, но большая часть так и кочует, навеваясь

сюда время от времени. Здесь обязательно есть хоть маленькая, но крепость – защищать перекресток. Здесь оседают самые искусные мастера: кузнецу для работы нужна нормальная кузница, а не войлочная юрта, которую туда-сюда таскают. Здесь есть земледелие. Здесь есть зачаток рынка – проходящие кочевья выторговывают изделия ремесленников, овощи и зерно. Отсюда нити торговли протягиваются и к побережью, к товарам, недоступным в степи: соли, копченой и сушеной морской рыбе, красному вину, тканям, лекарствам, украшениям и многому другому.

Если в кочевьях нетерпимо относятся к чужакам, то в становищах зачастую все иначе – с чужаками привыкли торговать, так почему бы не позволить и жить таким рядом, если это полезно накхам? Вот и оседали в становище странные люди: авантюристы всех мастей, беглецы, что-то натворившие на побережье, или просто безобидные искатели нового, явившиеся непонятно откуда.

Пусть ты даже с неба упал – если ты полезен накхам, ты сможешь жить с ними в становище.

Отец Тима упал с неба, и всю свою жизнь Тим провел здесь, в становище. Ну если совсем быть честным, то не всю – все же с дедом пришлось покочевать немало. С ним Тим много где побывал, во многих передрягах. Дед суров и опытен – и внука таким же хотел сделать. Первого сумчатого медведя Тим убил в двенадцать лет. Сам убил, без посторонней помощи – палкой с петлей и коротким копьем. Первого человека Тим убил в пятнадцать. Правда, убил не сам, но его стрелу дед торжествующе вырезал из пробитого сердца конокрада. Хотя стрел таких в трупе было несколько, но все же стрела Тима угодила удачнее всех других.

Сегодня дед Тима Ришак вел суд. Суд над черным человеком. И то, что черный человек был уже мертв, от судебного разбирательства его не освобождало – порядок есть порядок. Жив ты или мертв – за деяния свои ответить обязан. Убийство «не воинов» – тяжкий грех, а то, что молодежь сама нашла себе приключения, никого не волновало – черный человек пришел без приглашения на землю накхов и убил детей, не будучи врагом накхов. Дети были на своей земле, а значит, сделав его дичью, были в своем праве – ведь пришелец не гость. Если дичь стала охотником – дичь виновна. Будь он простым оламекским головорезом – обошлись бы без суда: с оламекками война, судить оламека – это все равно что судить дикую собаку за скушанного зайчонка.

Собралось все становище – народ принес войлочные коврики, расселся на них полукольцом, как бы окружая дом Сергея-безродного. На высоком пороге дома, на стопке ковриков, сидел Ришак. Для этого случая дед оделся в лучшую одежду, из заморских тканей, лишь кожаной шапочке накхов не изменил. Голос его сегодня звучал еще важнее, чем одежда:

– Я – Ришак из рода Ликадов, сын Ароша, что из рода Ликадов, умершего от людей с побережья соленого озера, жена моя Ниарра, ее я украл из рода оламеков, выносила тринадцать детей, вырастила пятерых, умерла она сама, прямо на перегоне, на спине своего коня. Дочь моя Энеяна, жена Сергея-безродного, умерла, рожая шестого ребенка. Муж ее теперь стал Ликадом, и он сын мне приемный. А сын его – Тимур, который убил черного человека. Я старше Тимура. Я старше Сергея-безродного. Мой род взял жизнь черного человека. Но черный человек взял жизни Шулаков. Но Шулаки сказали, что вручают слово свое мне. Значит, и судить черного человека буду я. Кто-то хочет сказать что-нибудь против меня?

Накхи промолчали.

– Значит, быть по-моему. Тимур, скажи мне, как все было?

– Я взял кунака Шарка на охоту. Я убил антилопу и встретил Норга из рода Шулаков, с ним было три его кунака. Норг просил показать урочище с железной птицей, и мы поехали туда. По пути нашли след черного человека. Норг захотел взять его жизнь, Норгу это было очень нужно. Мне это не нужно было, и я не захотел брать жизнь. Черный человек убил Норга и его кунаков. Он сжег их своей магией. Он страшный колдун, он и меня хотел сжечь. Но я сумел его победить, разбил его голову об идола на древнем кургане. Каменные идолы неподвластны магии, и колдун защититься от него не смог. Вот так все было.

Ришак кивнул, показывая, что принял слова внука, важно произнес:

– Кто-то хочет что-то сказать против Тимура или узнать у него то, о чем он промолчал?

В первом ряду поднялся шаман Тейко. Это был главный и, по сути, единственный шаман становища – остальная мелочовка не в счет. Данный факт приятно грел душу старика – важно сознавать свою незаменимость. Тим, еще до того как

Тейко раскрыл рот, уже знал, что он скажет.

– Ришак! Тимур твой соврал! Никто, в ком есть хоть кроха магии, не смог бы пройти рядом со становищем и остаться незамеченным! Я бы на месте Шулаков хорошо подумал, прежде чем верить явной лжи!

Ришак и ухом не повел:

– Сядь на свое место. Может, в молодости ты и был шаманом, а сейчас ты просто никчемный старик. Сейчас я докажу это Шулакам. Гонир, встань и ответь мне, что ты видел.

Седой воин поднялся не спеша, медленно, цедя каждое слово, заговорил:

– Тимур, сын Сергея-безродного, вернулся в становище и рассказал, что черный человек убил Шулаков. Я взял пятерых Ликадов и двоих Шулаков и отправился к урочищу. И там, в урочище, вокруг железной птицы Тимур показал нам тела всех убитых Шулаков. Тела были обожжены, будто раскаленным углем. А наверху он показал нам черного человека. Человек был странный – таких мы еще не видели. Я бывал на побережье и даже там таких не помню. Странный он: странная одежда, странные вещи и странное тело. Мы прошли по следам колдуна, чтобы узнать, откуда он появился в нашей земле. И мы нашли это место – следы его начинались посреди степи. Он не порожден степью – первые его следы смяли нашу траву. Значит, он упал с неба или был рожден воздухом. Он – сгусток злой магии. Он чужой колдун.

Народ загудел, переваривая страшную информацию. Ришак, не давая Тейко шанса реабилитироваться, вытащил блестящую угловатую загогулину:

– Вот смертельный жезл черного человека! Источник его магии! И ты, Тейко-никчемный, не заметил ни этого жезла, ни чужой магии! Даже когда убивали Шулаков, ты этого не видел! Ты плохой шаман! Горе Ликадам: мы остались без хорошего шамана! Придется растить новых или кланяться другим родам!

Тейко завыл, припал к земле, задергался в конвульсиях. На его потуги никто не обратил внимания – все взирали на Ришака. Тот решил заканчивать суд:

– Черный человек – злой колдун. Черный человек убил Шулаков. А Шулаки – это накхи. Накхи – один народ, и суд у нас один. Мы отрежем черному человеку голову, и голову получат Шулаки. Они будут возить ее на шесте, пока на ней не сгниет мясо, а потом оставят ее возле Грохочущих Скал. А тело его мы разрубим на много кусков, и пусть все сожрут собаки Ликадов и Шулаков. Вещи черного человека заберет Сергей-безродный, отец Тимура, потому что Тимур – победитель черного человека. Есть кто-нибудь, кто против этого?

Возражений не было.

* * *

Тим уже второй раз рассказывал отцу обо всем, что сегодня произошло. Правда, первый раз он говорил лишь ему, а теперь пришлось повторять всем. Под словом «все» подразумевались все, кто остался в становище из тех, кто упал с неба вместе с отцом. Свой мелкий род они называли «экипаж установки», и после ухода Мокедо их осталось совсем немного. Сам Сергей-безродный, или «старший техник», Лемешко Егор – «бортмеханик», Джон Хиггинс – «оператор» и искалеченный Поль Бомон – сразу и «физик», и «координатор». Во всем, что не касалось имен, Тим не был уверен полностью – при нем о своих старых небесных делах экипаж установки говорил на английском языке. Отец его этому языку тоже учил, но, подслушивая разговоры старших, понимаешь далеко не все – уж больно непонятны эти разговоры. Нет, Тим в небесных науках разбирался не столь уж плохо, но вот овладеть профессиональным сленгом ученых и астронавтов, да еще и понимать их скороговорку... нет, не дано это ему.

Мужчины выслушали Тима молча, без эмоций, лишь Поль вскинулся, когда слушал описание начала боя с черным человеком. Но промолчал.

Едва Тим закончил рассказывать, как они нашли место, где черный человек явился в степь, отец вытащил из-за спины плоский оранжевый цилиндр, положил перед собой:

– Вот, господа, полюбуйте.

Хиггинс поправил на носу свои чиненые-перечиненые очки, поинтересовался:

- Что это?

Егор, склонившись над цилиндром, грустно улыбнулся:

- Это аварийный контейнер. Мы его сбросили перед посадкой. В нем комплект всех бортовых записей, в том числе и о ходе эксперимента. Это вроде дубля «черного ящика». Мы были не уверены, что «черный ящик» уцелеет, - ведь рвануть могло очень сильно.

- Выглядит этот контейнер как новенький, - заметил Поль.

- Он и есть новенький, - сказал отец.

Что-то надавил, за что-то потянул, снял крышку цилиндра. Там замороженно уставился в нутро оранжевой коробки - там сверкали зеленые и красные огоньки, на плоском стеклышке мелькали цифры и буквы.

Егор присвистнул:

- Процессор работает! Как это может быть? Да за эти годы батарея должна разрядиться раз пятьсот! Ее хватает на несколько дней, не больше!

- Тим говорит, что под контейнером трава была побита и подсохла. Как будто он придавил ее дня три назад. И вон, в углу, парашют посмотрите - чистенький совсем. Белоснежный. Нет, ребята, этот контейнер упал на днях - он не лежал все эти годы.

- Все может быть, - кивнул Поль. - Мы отключили установку еще до начала схода с орбиты, но полной остановки контура не добились, нас тогда кидало здорово, и импульсы продолжались до самой посадки. Возможно, этот контейнер вынырнул просто позже нас.

- Это не самое главное, - продолжил отец. - Раз процессор работает, значит, наверняка работают и остальные функции, в том числе и радиомаяк. Егор, так?

- Да, Сергей, радиомаяк посылает сигнал на аварийной частоте, по нему и должны отыскать контейнер.

- Вот и дождались мы - отыскали.

- Что ты хочешь этим сказать? - не понял Хиггинс.

- А ты не понял? Этот тип, что мальчишек сегодня сжег, приперся сюда на сигнал маяка. Его следы вели от аварийного контейнера - именно там его высадили. А может, и не высадили, не знаю. Но появился он именно там. Потоптался вокруг контейнера, затем пошел к установке - и там наткнулся на мальчишек. Он планомерно изучал следы посадки и обломки челнока.

Егор покачал головой:

- Не очень-то он похож на спасательную команду.

Отец положил на крышку цилиндра угловатую штуквину:

- Что это, по-вашему?

- На пистолет похоже, - ответил Хиггинс.

- Верно. Только стреляет не пулями, а огнем. Из этой штуки он и убивал.

- Бред какой-то... дай-ка сюда, - попросил Егор. - Да не бойся, я жать не буду ни на что.

- А это бесполезно - глянь там, на спусковом крючке. Похоже на дактилоскопический идентификатор. Тебе просто не удастся выстрелить.

- Отрежем трупу палец и выстрелим, если надо будет. Черт! Смотри, тут серийный номер, арабскими цифрами. И буквы латинские. Это наше изделие!

- Вот видишь, а ты говоришь, что это не спасательная команда.

На несколько минут мужчины склонились над жезлом черного человека и обменивались уж вовсе не понятными фразами. Тимура все эти люди обучали с детства разным премудростям, что необходимо было знать на небе, и он

прекрасно ориентировался во многих отраслях науки. Но этот поток хаотичных фраз был для него чем-то вроде шаманских заклинаний:

– Хиггинс! Ты что за бред несешь – у тебя же три диплома! Это ведь просто концентратор, а сама камера на сходе лучей!..

– Ребята, разве реально боевой плазмомет такого размера сделать? Даже в теории проблемно...

– Это не ствол двойной, это катушка двойная, ствола, по сути, нет. Непонятно, как витки от перегрева не горят...

– Хиггинс, ты идиот, что ли? Свинец бы экранировал, если свинца повесить на реактор пару тонн! Это тебе не книжки Азимова с ядерным реактором в свинцовых бусах – это реально действующее оружие! Да, плотность высокая, но свинцом здесь и не пахнет...

– Стоп! Смотрите, это же обойма! А в ней патроны! И обойма НЕПОЛНАЯ! Каждый патрон – это одноразовый источник энергии! Знать бы, что там внутри...

– Если работает плазма, то катушки просто для разгона. Интересно, с какой скоростью выходил заряд?..

Отец, оторвавшись от жезла, спросил:

– Тим, когда этот убийца пускал огонь, как быстро этот огонь летел?

– Быстрее стрелы, отец.

– Ну ни фига себе! – охнул Егор. – Сергей, да твой сын просто головорез, раз сумел выжить и прикончить этого «спасателя».

– Так! Тихо все! – Отец поднял руку. – Давайте подытожим! Итак, девятнадцать лет назад наш корабль в ходе опытов с экспериментальной энергетической установкой потерпел аварию. Мы вынуждены были покинуть орбиту и сесть где-то на севере Австралии. При этом установка продолжала работать в нештатном режиме, и посадку мы осуществляли при постоянных электромагнитных

импульсах от нее. Импульсы повредили аппаратуру и предположительно вызвали незапланированный эффект – скорее всего, нас перенесло во времени. Тихо! Не спорить! Рабочая гипотеза у нас «перенос во времени», и о теории сейчас не будем: уже почти двадцать лет спорим! Предположительно мы в далеком будущем – даже фауна серьезно изменилась, хотя все равно преобладают сумчатые. Человечество деградировало до уровня раннего Средневековья. Генотип человечества или микроорганизмов также изменился – наши дети от браков с местными женщинами нежизнеспособны, если и рождались, то быстро умирали от болезней, за единственным исключением... Это мой сын. Мы были уверены, что потеряны навсегда. Своеобразные робинзоны космического века. А сегодня... сегодня мы узнали, что не одни здесь. Не знаю, кто был этот человек, но у него высокотехнологичное оружие с нашей символикой – у местных нет арабских цифр и латинских букв. И этот человек интересовался обломками нашего челнока. Думаю, никто не будет спорить: он пришел сюда, привлеченный сигналами аварийного радиомаяка.

– С этим спорить, конечно, не будем, – буркнул Егор. – А вот насчет «единственного исключения» – Тимур на тебя не сильно-то и похож, а вот на меня – очень даже.

– Не смешно. Ты как был клоуном, так и остался.

– Уж и пошутить нельзя.

– Не до шуток сейчас. Этот пришелец со своим огнеметом хладнокровно сжег четверых мальчишек. Не думаю, что он здесь один, и не думаю, что остальные от него отличаются. Если на становище нападет группа таких ребят, здесь не выживет никто.

Хиггинс нервно икнул, поспешно произнес:

– Эти мальчишки сами хотели его убить – он просто защищался. Не будем паниковать раньше времени: мы на его месте поступили бы так же.

– Может, и так, – согласился Поль. – Скажи, Сергей, еще что-нибудь интересное при нем нашли?

– Тим сказал, что при нем было много странных вещей, но все их заграбастал Ришак... мать его... Этот старик, пока все не пересмотрит, даже мне не покажет. Сам не понимаю, почему он отдал этот... плазмомет. С точки зрения степняка, самая ценная вещица – оружие все же.

– Он магии боится, – хмыкнул Егор.

– А ты ее не боишься?

– Да все ее боятся. Я, честно говоря, до сих пор не в себе от этих шаманских штук. Знаешь ли, трудноато принимать эту иррациональщину человеку, четырнадцать раз побывавшему в космосе.

– Не говори ерунды. Всему есть рациональное объяснение.

– Вот-вот! Но у нас пока что объяснения нет.

– Чем вас не устраивают объяснения Тейко? – усмехнулся Поль.

– Хорошие объяснения, – буркнул отец. – Духи, демоны, силы земли и воды, элементали высшие и низшие, души проклятых и невидимый свет высших миров. Как-то это все не совсем научно.

– Сергей, если бы ты попробовал объяснить Тейко принципы, на которых проектировалась энергетическая установка в нашем разбившемся челноке, он, думаю, сказал бы тоже что-то в твоём духе.

– Или бы просто послал подальше, – улыбнулся Егор. – Попробуй-ка объяснить ему, что такое СВЧ-излучение.

Отец нахмурился, поднял руки:

– Тихо все! Мы отклонились от темы! Итак, что мы...

Договорить он не успел. На улице обиженно взвизгнула собака, явно получившая неслабого пинка, занавеска распахнулась, впустив в домик Ришака. Старик, злобно осмотрев присутствующих, констатировал:

– Опять вы чешете языки подобно старым бабам! И ты, сын мой, первый это делаешь! Ты за жизнь свою лишь одну радость мне доставил – Тимура. Тимур – продолжатель нашего рода. Ты говорил, что это имя великого небесного завоевателя? Так вот, небо захватил он, а землю завоюет мой внук. И прекратите мне его портить своими разговорами – Тимур должен вырасти воином, а не стать подобным вам. Завтра с рассветом юноши отгоняют лошадей на верхние пастбища. Если повезет, там же возьмут пару диких быков – достойная забава для молодых. Тимур пойдет с ними, я окажу честь тебе, Сергей-безродный, поставлю его главным в этом кочевье. Через неделю придут купцы с побережья, и тогда Тимур пригонит лошадей назад. На травах верхнего пастбища у них залоснятся округлевшие бока, и заблестят глаза, и нрав игривым станет. Мы хорошо продадим лошадей. И это будет заслуга Тимура. А ты, Сергей-безродный, за эти дни вволю начешешь свой язык и не будешь забивать уши моего внука бабской болтовней.

Старик упруго, будто молодой, развернулся на одной ноге, выскользнул из дома, через плечо добавил:

– Тимур, иди спать, тебе вставать придется раньше, чем обычно.

– Да, дед Ришак, я пойду спать.

Егор тихо буркнул вслед:

– Страшный старикан. Из него бы неплохой местный Чингисхан получился.

– Нет... Чингисхана он из моего сына мечтает сделать, – вздохнул Сергей.

– А что? Тим твой – чертенок еще тот. Голую бабу разве что издалека видал, но зато успел на тот свет отправить нескольких человек. Звереныш...

– Егор, будь все иначе, он бы не выжил сегодня. Признай честно: от всей той белиберды, которой мы его пичкали все эти годы, толку здесь меньше, чем от умения стрельбы из лука.

– Ну не всегда... Знаешь ли, все зависит от ситуации. В некоторых ситуациях знания все же поважнее. Тим владеет языком кочевников, но и выучил

несколько языков, на которых общаются здешние люди с побережья. Такой полиглот нигде не пропадет: не сможет саблей на жизнь заработать – станет переводчиком.

– Ты еще скажи, что ему квантовая физика пригодится здесь.

– Почему бы и нет? Парень не по годам смышлен – кто знает, что даст смешение в его голове наших знаний и местной обстановки. Он на удивление здоров, как бык здоров, любознателен, умен, с отменной реакцией и себе на уме. Посмотри на этого дикаренка: он не упускает ни единого нашего слова.

Сергей, встрепенувшись, сурово произнес:

– Тим, иди спать. Ты слышал, что дед Ришак сказал.

– Да, отец, все, я ухожу спать.

Выйдя из дома, Тим, не скрывая шагов, пошел к юрте, где ночевали такие же, как он, юноши, еще не посвященные в воины. Но, отойдя недалеко, тихо вернулся, прислушался к разговору взрослых. Успел вовремя – Егор как раз говорил о нем:

– Сергей, думаю, ты понимаешь, почему Ришак отправил Тима на пастбище?

– Конечно, понимаю... Ришак боится за него. Боится, что сюда нагрянут те, кто прислал этого амбала с плазмометом, и отомстят мальчишке за своего. Степная логика. И в чем-то я его понимаю: Тиму повезло родиться с иммунитетом матери – он единственный из наших детей, кто сумел справиться с местными микробами. Тим – везунчик... Но вот от плазмы у него иммунитета точно нет...

Глава 5

Сеул не сомневался, что с Иллицием не все так просто обстоит. Не верилось, что эта тварь Эльалиен отпустит свою законную добычу просто так, не учинив напоследок какой-нибудь омерзительнейшей пакости. Но Сеул до последнего не

верил, что пакость окажется настолько пакостной.

Иллиций оказался зайцем.

Зайцем стопроцентным.

Насколько стопроцентным, что можно капюшон не опускать – это все равно что пытаться обезьяну за человека выдать, маскируя ее красный зад бархатными штанами.

Представился заяц коротко:

– Я – Иллиций и пойду с вами.

Сеул переглянулся с Дербитто – возразить не посмели. Да и толку от возражений...

Едва отряд отъехал от ворот, Дербитто поравнялся с Сеулом и уточнил:

– Я правильно понял: этот... гм... уважаемый господин собрался с нами разделить все тяготы погони?

– Боюсь, что да.

– Интересно... Господин Сеул, у меня девять стражников, у вас лоботряс Пулио, нюхач Бигль и писарь Гумби. Не хочу говорить плохого о ваших людях, но из них лишь Пулио способен в драке испортить чью-то морду, а не свои штаны. Итого нас двенадцать боеспособных мужчин. Отряд неплохой, но почему мы не взяли всех? Я же приготовил тридцать своих лучших людей.

– Иллиций сказал, что нам надо держаться как можно незаметнее, и такой толпой это не выйдет.

– Так что получается – этот Иллиций здесь теперь главный?

– В некотором роде да... Дербитто, ты сам должен сознавать...

– Господин Сеул, я прекрасно все осознаю, но поймите меня правильно: мы не сможем такими силами обеспечить безопасность этому короткоухому зайцу. Если его прирежут, боюсь, нам тогда уже точно не отделаться от крупных неприятностей. В трактире Пуго этот парнишка прихлопнул пару его сородичей, сжег того громилу и вырубил вышибалу – и при этом даже не чихнул. Кто знает, на что он еще способен? Мы еще недалеко отъехали, может, удастся уговорить его усилить отряд?

– Попробую. Сомневаюсь, но все равно попробую.

Сеул пришпорил лошадь, поравнявшись с Иллицием, осадил, вежливо поинтересовался:

– Извините за беспокойство, но откуда вам известно, что убийца покинул город?

Заяц и ухом не повел – так и сидел в седле истуканом, неподвижно уставившись куда-то вдаль. На губах полуулыбка, глаза чуть прищурены, встречный ветерок колышет золотистые пряди длинных волос. На вид парню лет восемнадцать, хотя с этими тварями разве можно быть в чем-то уверенными...

Сеул уже было решил, что его игнорируют, но тут Иллиций соизволил ответить. Цедя слова сквозь зубы, будто с собакой общается, произнес:

– Сейчас вы сами все увидите.

Заяц развернул лошадь, направил ее к проему в живой изгороди, тянувшейся по левой стороне дороги. Подковы перестали цокать по брусчатке – копыта зашлепали по все еще мокрой земле. Преодолев заросли, Сеул увидел тела.

Три трупа лежали на краю кукурузного поля, четвертый скорчился за придорожной изгородью. Наметанным глазом Сеул с ходу определил, что этот, по-видимому, погиб первым. Остальные, похоже, побежали подальше от дороги, но уйти не смогли.

Иллиций, указав на трупы, с легкой насмешкой произнес:

- Они сделали здесь засаду на убийцу. Удобное место, чтобы подсматривать за дорогой. Они увидели убийцу - и умерли сами.

С трудом проталкивая слова и обливаясь холодным потом, Сеул уточнил:

- Эти... эти убитые... Они - ваши?

- Нет. Это просто люди.

Дербитто не удержался от облегченного вздоха. Еще бы - для полного счастья им не хватает сейчас еще четверки заячьих тушек.

Сеул попытался выдоить из Иллиция побольше информации:

- Это вы поставили этих людей следить за дорогой?

- Нет, не мы. Нам пора продолжать путь.

- Не так быстро - мы тут должны все осмотреть.

- Здесь нечего смотреть, - чуть поднял голос заяц. - Вы все осмотрели уже. Убийца пошел дальше. Он идет пешком, если поспешим - должны его догнать до переправы.

- Господин Иллиций, этот убийца разделался здесь с четверкой мужчин. Я вижу у одного арбалет, у того вон кинжал - они вооружены. Наш отряд и так хорошо заметен, так почему бы его не усилить?

- Эльалиен сказал, чтобы нас было не больше полутора десятков. Он лучше нас знает, что делать, - как он сказал, так и поступим.

Спорить с зайцем Сеул не осмелился.

Уже на дороге с ним поравнялся Дербитто и тихо произнес:

- Я мельком осмотрел тела.

- И что?

- Одного узнал - темная личность, подозреваю его в убийствах под заказ.

- А остальные?

- Этих не припомню, да и трудно узнать - лица будто запеченная свинина. А этого узнал, потому что его не запекло. Он лежал у изгороди, и ветки все его тело оплели... и сквозь тело проросли...

- Твою мать! Это точно маг!

- Вам виднее, господин Сеул, но мне о такой магии слышать не доводилось.

Пулио, подслушав разговор старших, небрежно продемонстрировал свои познания в магии:

- Да это любой деревенский знахарь умеет. Я сам видал: старик одним взглядом заставил вырасти из земли куст шиповника. Хороший куст вышел - почти по грудь мне. А сам старик был полудохлым - смерть о нем позабыла, и он весь ссохся от старости. И вонял так, что на него даже мухи брезговали садиться. Но куст вырос. А ведь этот сморчок помоложе - наверное, и дерево сможет.

- И что, этот куст вырос с такой скоростью, что мог бы пробить тело? - уточнил дознаватель.

- Нет, Сеул, не так быстро. Но старость - это старость. Вот сам подумай: кто быстрее штаны при виде девки спустит - вонючий дед или молодой парень? Так и с кустом этим может быть.

- Пулио, я тебя сегодня не узнаю - ты сама мудрость.

Икнув, лоботряс польщено ухмыльнулся:

- Ты это моему отцу расскажи - рад будет.

– Не уверен, что смогу твоего отца увидеть... сам понимать должен... И чего тебя с нами понесло? Сидел бы в управе... нет же, вылез... добровольно...

– Эх, Сеул, Сеул... Я, может, с виду и не мудрец, но кое в чем уверен точно – уверен, что с тобой скучно не будет. А скука – это то, что мне нравится еще меньше, чем похмелье.

– Молите богов, чтобы скучать пришлось подольше, – не оборачиваясь, буркнул Дербитто, поворачивая коня за зайцем.

* * *

Восточный тракт не изобиловал деревьями. Эту дорогу провели еще при первой династии, и по легенде тогдашний сбрендивший император обожал виды с придорожными виселицами, причем виселицы должны были быть непременно на фоне цветущих садов и полей, и, само собой разумеется, виселицам при этом полагалось быть непременно занятыми. Чтобы ничто не мешало ему наслаждаться этими дивными видами, он повелел не строить возле дороги ничего – минимум за две тысячи шагов от обочины, а нарушителей этого закона знакомили с петлей, что позволяло виселицам не пустовать. Вешали за любой признак строения: за шалаш в стогу на покосе, за дерновый навес над сушилками, могли повесить даже за плащ, развешанный на кустах для того, чтобы укрыться от дождя. Со временем, разумеется, указ канул в небытие, но инерцию истории преодолеть непросто – виселицы сгнули бесследно, но до сих пор на десятки миль пути можно было не встретить ни единой дереvушки.

Дорога, выползая из восточных ворот Столицы, без единого поворота шла будто под линейку строго на восток, чтобы через двенадцать имперских миль уткнуться в берег Чессы. Даже гении инженерии за эти века не сумели перекинуть через реку мост. В принципе задача не столь уж и сложна, но вот провести мост так, чтобы он не мешал судоходству и при этом простоял века... Нет, нелегко это. Проекты моста разрабатывали не раз, но до реализации их дело так и не дошло.

Хотя частично здесь некие зачатки моста были. От берегов отходили столь длинные причалы, что таких бы еще штук пять – и река будет перекрыта. К ним приставали три самоходных парома, курсирующих между берегами день и ночь. Команды дюжих мужиков легко переправляли людей и грузы, стада коров и

овец, военные отряды. Не столь удобно, как по мосту, но достаточно быстро.

Сеул издали почуял неладное – уж больно тихо. Обычно у переправы народ толкается, собираясь в кучу: поодиночке тут никого не возят – разве что ты важная персона или заплатишь серебром. А тут никого – лишь пара телег без хозяев. Лошади запряжены, монотонно жуют овес из торб, рядом с повозками какие-то узлы и баулы, в стороне тлеют остатки трех домов, в которых размещаются стража и команды паромов, там же валяется обугленный труп.

Как-то это все подозрительно.

Дербитто, вытащив из сумки арбалет, точь-в-точь похожий на оружие убийцы, флегматично заявил:

– Господин Сеул, вы бы послали Гумби и Бигля назад – пусть подождут, пока мы тут закончим. Сдается мне, сейчас работа будет не для нюхача с писарем.

Сеул спешился, вытащил шпагу, неспешно пошел к причалу. Уже на ходу громко произнес:

– Все за мной! Оружие держать наготове – возможно, он где-то здесь!

Возле причала дознаватель заметил два тела – такая же пропеченная свинина. Доспехов стражи на них не видать – уже неплохо. В воде, у берега, плавало еще одно – тоже не стражник. Можно даже у зайца не спрашивать – и так понятно, что очередные его «знакомые».

Под ногами застучали доски причала, позади шагал весь отряд – никто не остался на лошади. Да и верно: кавалеристов среди присутствующих, скорее всего, нет. Стража немолодая, но по возрасту если и служила, то в пехоте. Из конного полка так быстро не уйдешь: конница – это конница, служба долгая, оттуда седыми возвращаются.

Сеул любил театр и хорошо в нем разбирался. Но сегодня впервые почувствовал себя актером. Ну непохоже на правду то, что сейчас происходит. Трупы – да, трупы настоящие, а вот все остальное... Ну фальшь же сплошная – за такую постановку актеров закидывают гнилыми овощами. Хотя виноваты-то не актеры

– виноват тот, кто написал пьесу и кто бездарно ее поставил.

Вот такая бездарщина сейчас творится. Да будь автор пьесы поумнее, тогда бы давно уже конная лавина летела по тракту, хватая и правых, и виноватых. И ни один маг бы ее не остановил. Да и как остановишь, если среди кавалеристов сидеть будет сини полсотни, все при защитных амулетах, держатся настороже: птицу в небе – и ту не упустят. А вперед бы сигнал пустили, через ту же синь, и засады бы караулили беглеца на каждой тропе.

Час – больше бы убийца за городом не продержался. Если очень повезет, то час.

А на деле? Бригада бездарных комедиантов тракт топчет. Непонятно кого и непонятно зачем послали. Если заяц не соврал и убийца пеший, то и вовсе стыд. А если догонят, что с ним делать, – вдруг он и вправду сильный маг? Ну у Сеула, допустим, амулет хороший. Вроде бы должен почти от всего защищать. Покуда не разрядится, будет держать кокон защитный вокруг владельца. Только вот ведь загвоздка – нет в отряде своего мага. Некому будет поддерживать силу амулетов, и разрядятся они быстро, а может, и очень быстро. И вся радость Сеула будет в том, что его запекут последним.

Для чего, спрашивается, все это делается?

Убийца ждал погони, стоя на краю причала. Вдалеке за ним виднелся противоположный берег, возле него замерли все три парома. Очевидно, команды не зря держались подальше – видели, чем дело пахнет. Неизвестно, что вытворял здесь маг-убийца, но, наверное, выглядело это достаточно впечатляюще, раз подойти боялись.

Плохо дело: паромщика можно напугать лишь угрозой зашить рот на праздник первого вина.

Убийца частично соответствовал описаниям свидетелей. Невысокий, тонкотелый, очень длинные золотистые волосы, огромные ярко-зеленые глаза. В остальном все было не так.

Убийца не был мужчиной.

Сеул не удивился, когда понял, что это действительно девушка, а не переодевшийся парень. Чтобы так замаскироваться, надо быть гением перевоплощения – вряд ли преступник настолько одарен. Да и мужское чутье хорошего сыщика не обмануть – девка это. Симпатичная девка. Опасная девка.

Очень опасная.

Тоненькая фигурка, закутанная в синюю тунику имперского мага, предостерегающе подняла резной посох:

– Ни шагу больше, или этот причал очень сильно пострадает. И, кстати, привет, Ил.

– Забудь мое имя! Отродье! – вскипел заяц.

Дербитто не забыл о своих обязанностях:

– Барышня, опустите, пожалуйста, свою палку! Мы вам не шпана с обочины тракта, мы люди служивые, и амулетов на нас много. За моей спиной девять арбалетчиков, да и я сам стреляю неплохо. Давайте не будем увеличивать список ваших прегрешений попыткой нападения на городскую стражу.

– Список этот велик, одним прегрешением больше или меньше – разницы нет, – логично констатировала девушка. – Мне не нужны ни стража, ни ваши амулеты, ни этот тупоголовый идиот Ил. Сейчас подойдет паром – и я уйду. И не надо меня преследовать: я могу сильно обидеться. Я сказала: ни шагу вперед!

Дербитто, по миллиметру пытавшийся сократить дистанцию, замер. Сеул, оценив ситуацию, признал, что она патовая: с такого расстояния даже дружный залп стражников может пройти впустую. Прицелиться эта бестия точно не даст. С другой стороны, на такой дистанции даже недорогой амулет успеет сработать на магические действия. Выстрелят арбалеты – перезарядить их уже не успеть. Магичка тупо высосет заряд из амулетов ударами по площади – и сожжет всех вместе с причалом. С третьей же стороны, начни она первой – в паузе между ударами можно успеть подскочить поближе, пока еще есть заряд, и тогда ей от стрел не отвертеться. В принципе если ребята у Дербитто отчаянные, то, если кинуть их дружно, шанс есть... хороший шанс... Хотя бред это: хорошей защиты у простых стражников быть не может, а без нее приближаться – самоубийство.

Девушка была неглупа, все понимала и сама:

- У вас нет мага, а я, как вы уже поняли, кое-что умею. Пять ударов сердца - больше вам не прожить. Хотя, если у кого-то есть хороший амулет, протянет долго. Только амулет должен быть не из дешевых. На такой в Столице можно было бы городской квартал купить. Есть среди вас такие богачи?

Сеул, почти не размыкая губ, прошептал в спину Дербитто:

- Она тянет время. Дома на берегу уже сгорели, она уже давно могла уйти или уплыть. Пусть не на пароме, но вон лодок хватает. Сама не уходит - ждет чего-то...

- Скорее, кого-то, - буркнул Дербитто. - Господин Сеул, не дергайтесь, эта девица тянет не время... она тянет...

- Что тянет? - не понял дознаватель.

Язык не понимал, а глаза уже догадывались - покосились вбок. Вода у причала бурлила, на поверхность выносились пожухлые водоросли, белели брюхом барахтающиеся рыбины. Сеул не был знатоком магии, но и полным профаном его не назвать: сталкиваться приходилось - или слышать от тех, кто сталкивался. Только вот видеть подобное пришлось впервые. Да и не слышал о таком никогда: виданое ли дело, чтобы маг тащил заряд из воды? А если и тащит, то сколько это продлится? Дома... дома уже догорели... Сколько может гореть такой дом?

Дербитто еле слышно озвучил самые мрачные предположения дознавателя:

- Господин Сеул, если эта бестия все время тащила себе силы из Чессы, то не видать нам заслуженной пенсии...

Что было дальше, Сеул помнил смутно и обрывочно. Вроде бы его что-то стукнуло в самом начале, и стукнуло хорошо - так, что сознание помутилось. И вроде бы стукнуло по голове. А может, просто амулет не сразу сработал и голова познакомилась с магией. Нет, так и не понял он, с чего все началось.

Вот фигурка в синем платье встрепенулась, вытянулась в струну, вокруг нее закрутилась дымная спираль. Потом вроде бы дрогнул причал. А может, оно до этого было? Нет... не вспомнить. В воду с криком упал стражник, в груди его красовалась длинная тонкая стрела с ядовито-зеленым древком и белоснежным оперением. Затем в нос ударило горелым мясом. Потом опять провал в памяти. Потом, оглядываясь, видел, что на причале стоять остались только двое: магичка и Пулио. Вокруг обормота горело все. Даже сам воздух горел, но пробить защитный кокон магического пламя не могло. Двойное чудо – чудо, что папаша расщедрился для сынка на дорогой амулет, и вдвойне удивительно, что этот разгильдяй его до сих пор не пропил.

И вроде бы видел, как Иллиций падает в реку. А может, это Пулио был? Поди пойми в огненном мареве...

Потом вроде бы Сеул куда-то брел в дыму, воя от боли в груди и сухим языком пытаюсь облизать трескающиеся губы. Ругаясь, он рвал на шее цепочку раскалившегося докрасна амулета, сверзился вниз, по мелководью добрался до лодочной пристани, копошась в грязи, пытался выбраться на берег. Вроде бы ему в этом помог Дербитто.

Далее – полная амнезия.

Полностью в себя Сеул пришел благодаря тому же Дербитто. Главный стражник вылил дознавателю в лицо порцию речной воды из своей шляпы и участливо поинтересовался:

– Еще?

– Достаточно, – прохрипел Сеул.

Обернувшись в сторону реки, он чуть не выругался: добрая половина причала густо дымила, местами пробивался огонь, а оконечность причала и вовсе в костер превратилась, пылала полностью. Точнее, пылало то, что от этой оконечности осталось.

– Дербитто... что это было? Кто в нас начал стрелять?

Стражник, сплюнув черным, указал вдаль, на реку. Там, ниже пожара, ходили все три паромы в окружении армады лодок – народ осматривал обломки, относимые течением от причала. На зрение Сеул не жаловался, и некоторые фигурки ему не понравились. Слова Дербитто подтвердили его предположение:

– Зайцы. Полный паром зайцев. Эльалиен со всей своей шайкой из Дома Леса. И с ними куча городских уродов, тоже при луках. Пока мы общались с этой барышней, они подошли ближе – и залп дали. И стрелы, и магия. У Иллиция был... Я думал, вранье про такие амулеты – ан нет, не вранье. Ни одна стрела не пробилась защиту его амулета. Говорят, такой амулет может спасти хозяина всего несколько мгновений, но этого хватило: ведь залп-то был один. Мы стояли рядом, и нас тоже не нашпиговало стрелами. Да и от магии убереглись. А вот ребята... Ребята хорошие были... Похоже, никто не уцелел. Ненавижу магов...

Сеул невесело усмехнулся:

– Вот оно что... Мы, получается, просто приманка... отвлечь ее должны были. Она не выжила?

Дербитто, покосившись на пылающий причал, пожал плечами:

– Мертвой я ее не видел. Не до нее мне было: едва шкуру свою унес. Иллиций там, наверное, до конца стоял – думаю, амулетов на нем не меньше пуда было. У него бы спросить... да разве ответит... – Чуть помедлив, Дербитто почти с нескрываемой ненавистью добавил: – Зайцы... Девять ребят... и каких ребят...

– Ты им спасибо скажи.

– За что?!

– Если бы не приказ Эльалиена, ты бы взял не девять человек, а гораздо больше.

– Если бы они сразу сказали, для чего мы нужны, я бы вообще никого не брал – и пересидели бы удар, прижавшись к Иллицию.

– А Пулио где? Выжил?

– А что этому шалопаю сделается? Там, у лошадей он, Гумби ему стрелу из плеча вырезает.

– Все же шкуру ему попортили.

– И не только шкуру: волосы чуть ли не до корней выгорели.

– Ничего, папаша ему парик выделит. Ладно, Дербитто, давай-ка отсюда ноги уносить, пока Эльалиен про нас не вспомнил. Не хочу я с ним лишний раз сталкиваться.

– Зайцы... – понимающе кивнул стражник.

Глава 6

Хиггинс когда-то на этом самом месте устроил Тиму маленькую лекцию по тектонике, объясняя причину появления верхних пастбищ. Надо сказать, учитель из Хиггинса был плохой, и информацию полукровке он давал, не заботясь о ее полезности, а также не проверял, усвоил ли ее ученик. Все учили Тима, и он вел себя как все, не проявляя при этом энтузиазма. Но тем не менее Тим урок усвоил. Он запомнил, что в этом месте степь расколола исполинская трещина, уходящая на невыносимые глубины. При этом местность к западу от разлома приподнялась – вот и остался в рельефе такой уступ.

Возможно, Хиггинс и заблуждался. Возможно, и нет. Да и пользы в его словах не было. Какая разница, почему хорошие пастбища подняло в такую высь? Подняло – и все тут.

Сидя на склоне, Тим смотрел на восток, вниз. Еще не стемнело, и огней далекого становища не разглядеть, но зато сверху хорошо видно, как на ночевку слетаются стайки перепелок, а к ручейку, тянущемуся вдоль гривки, подкрадывается стадо антилоп. Зрение у Тима было орлиное – хорошо видел, что рогов приличных в этой группе не наблюдается. Да и не нужны ему рога – он уже взял. И перепелки даром ему не нужны. Уставившись в русло ручейка, Тим пытался представить себе ту мощь, которая способна была разорвать земную

твердь, будто тонкую лепешку. Разорвать землю, глину под ней, камни, скалу. Разорвать до самой бездны, где гранит кипит, словно вода.

Представлять, как это было и как выглядело, было жутковато. И еще хотелось с кем-то поделиться своими мыслями. Но с кем? Спутники Тима даже не поймут, о чем он говорит. Даже кунак его, привыкший к чудачествам старшего, – и тот не поймет. К такому знанию надо идти шаг за шагом, идти долго.

Тим шел долго. Но шаги его были прерывисты, а путь не прям. Многое от него ускользало. Нет, не понять ему этой силы. Пока не понять. Надо думать. Осмысливать. Долго думать.

Когда-нибудь он поймет. Получит знание. А знание – это великая сила. Не зря дед Ришак пригред в становище экипаж космической птицы. Ришак хотел получить все их знания. Пусть не все, но хоть что-то. Ришак хитрый. И внук его хитрый. Если Тим поймет силу, ломающую степь, Тим сделает еще один шаг вперед – попробует заставить эту силу ему подчиниться.

Ну... может, и не выйдет. Но попробовать все равно стоит. Так что надо понять. Надо. И пусть экипаж космической птицы считает своего воспитанника суеверным дикарем, в которого без толку напихали кучу бесполезной информации, – Тим не в обиде на них. Может, у них, на небесах, это и верно, но здесь – земля, а на земле законы другие. То, что наверху – суеверие, здесь имеет право на жизнь. Да и сама жизнь зачастую невозможна, если пренебрегать «суевериями».

Один-единственный шаман оламеков прошлой весной сжег крепость в становище этелей. А все потому, что местные шаманы дали себя подстрелить, будто перепелок, оставив свой род без защиты.

Хотя вечный скептик Егор уверял, что там поработала не магия, а зажигательные стрелы.

Все возможно.

Как бы Тим ни был погружен в мир своих мыслей, бдительности он не терял. Неладное заметил сразу: тусклая искорка двигалась в небесах напрямик к стоянке мальчишек. На фоне потемневшего восточного неба видно ее было

замечательно – будто светлячок приближается. Но не бывает светлячков на такой высоте.

Затем до ушей добрался и звук – будто жук жужжит. Басовито, на одной ноте, с каким-то присвистом.

Еще три удара сердца – и ЭТО пронеслось чуть ли не над головой Тима: что-то темное, смутный овал, будто черепаха чудовищная. Жужжание перешло в противный визг, вспыхнуло пламя, по ушам ударили трескучие, резкие хлопки, будто деревья сухие о колено великан ломает, испуганно заржали лошади.

Тим, очнувшись, не задумываясь рванул вниз. Вперед, быстрее, бегом – лишь бы ноги в потемках не переломать. Склон вырос за его спиной, надежно закрывая от огней лагеря и грохочущей «черепахи». Позади опять загрохотало, еще сильнее, в небо взметнулось пламя, предсмертно заорали люди и лошади.

Тим ухитрился добежать до подножия склона, ни разу не упав, влетел в ручей, плюхнулся под левый подмытый берег, суетливо заворочался, вдавливая тело под свисающие пласты дерна. Укрытие так себе, конечно, но найти его здесь с воздуха будет нелегко. Если на накхов напал боевой дракон, посланный сюда зачем-то северянами, то в воде он не страшен. А если это не дракон... если это одна из небесных машин, о которых Тиму рассказывали люди из экипажа... Тоже неплохо – приборам трудно будет обнаружить цель.

Лишь лицо Тима, облепленное грязью и тиной, выдавалось из воды под дерном – не заметить, а все остальное и вовсе надежно укрыто от ночного зрения драконов и инфракрасных небесных приборов холодной водой. Тим не шевелился. Даже дышал через раз. Он был настолько неподвижен, что на лоб его забралась осмелевшая лягушка.

Вода в этом ручье была родниковая – холодная, будто из таявшего снега. Через несколько минут неподвижного пребывания в своем укрытии Тим понял: если его не прибьет враг, то прикончит холод. К сожалению, отсюда было не разглядеть, что творится в окрестностях. Слух тоже мало помогал – лягушачий хор и журчание воды не позволяли расслышать, что происходит наверху. Но вроде бы больше не грохотало.

Решившись, Тим осторожно высунул голову из-под берега. Не обнаружив ничего подозрительного, выкарабкался, встал, не рискуя покидать спасительное русло, осмотрелся по сторонам. Тишина и спокойствие, лишь наверху, там, где была стоянка кочевников, дрожали отблески пламени.

Но Тим смотрел не туда – все внимание на восток. И не ошибся – там, вдали, засверкали искры, падая с небес на землю. Не просто на землю – на становище накхов.

Скорее всего, здесь уже все спокойно, но Тим не любил уповать на авось – путь наверх занял у него немало времени. Крадучись от куста к кусту и не забывая оглядываться за спину, он забрался на гривку в тот момент, когда из-за горизонта выполз серп нарождающейся Меры. Красный диск тусклой Уиры к тому времени давно висел над головой, и света большой и малой лун с добавкой расплывчатого сияния Шрама Тиму вполне хватало, чтобы видеть немногим хуже, чем днем.

На месте стоянки дымили обгоревшие кусты и груда рухляди, оставшаяся на месте шатра. Ноздри щекотала вонь горелого мяса и шерсти, уши различали вдали хрип умирающей лошади. Увидев вдалеке шатающуюся человеческую фигурку, Тим коротко свистнул. Человек вздрогнул, неуклюже, припадая на левую ногу, попытался побежать в сторону далеких кустов.

Уже не прячься, Тим заорал:

– Да стой ты! Это я!

– Тимур, ты? – Голос был хриплый, неузнаваемый.

– Да. Это я. А ты кто? Я не вижу твоего лица и не узнаю голоса.

– Это не Тим!!! – пискляво проорали из кустов. – Тим бы тебя узнал! Это злой дух говорит его голосом! Не называй ему свое имя, а то он завладеет твоим телом! Цинн, стреляй в него! Стреляй!

– Шарк, ты так и состаришься глупцом: ты сам назвал его имя. Да и твое я, как видишь, знаю. Если я действительно нежить, то сейчас легко полакомлюсь твоей

печенью – надеюсь, глистов в ней немного.

Из кустов испуганно охнули, а затем, ломая ветки, выскочила стремительная тень, ринулась к Тиму. Миг – и он уже обнимал Кунара. Конь был не на шутку перепуган, но все же не бросил стоянку после разгрома, дождался хозяина. Нет, не хозяина – друга. Не может у такого коня быть хозяина.

«Обитатели кустарников», очевидно, поняли, что волшебный конь не стал бы ластиться к нечисти, и повылезали из своих укрытий. Кроме Шарка и Цинна осталось всего двое – Наин и Кобо. Цинн – старший, один из лучших стрелков становища, Наин и Кобо – зелень, чуть побольше Шарка. Но все равно рад Тим был лишь Шарку. И не потому, что за смерть кунака с него бы спросили, а потому что привык он к нему. Почти друг он ему. Почти как Кунар.

Не оглядываясь на выживших, Тим принялся осматривать коня – вдруг его подранило и надо быстро остановить кровь. Через плечо почти равнодушно уточнил:

– А где Генр, Тарро и Колт?

Шарк ответил скороговоркой, опередив старших:

– Колт там, в кустах, умер он уже, от Тарро мы лишь голову нашли, а от Генра не нашли ничего. И лошадей нет, они...

Договорить мальчик не успел – едва не рухнул от затрецины Цинна:

– Не раскрывай рот, младший кунак, – здесь говорят старшие.

Шарк пристыженно умолк, а Цинн степенно закончил его мысль:

– Лошади разбежались. Лишь Кунар не ушел – тебя ждал.

Тим, ощущая на себе взгляды выжившей четверки, молча отошел от Кунара, присел на краю неглубокой воронки, вдохнул струящийся из нее дымок. В носу противно защипало, во рту стало кисло. Вырвав из земли клочок опаленной травы, он стал переминать его меж пальцев. Нет, Тиму не нужна была ни трава, ни

воронка – Тиму нужно было время. Время на принятие решения. Он – старший, он не должен вносить в сердца своих людей разлада своей суетой. Пусть думают, что их вождь занят сейчас чем-то настолько важным, что они даже не могут представить чем.

Непоседливый Шарк, не выдержав пытки тишиной, просипел:

– Тим, это был дракон?

В тишине отчетливо хлопнула затрещина, но, даже не глядя на своих людей, Тим понимал – все ждут ответа. Или не ответа. Хоть какой-то определенности ждут. Они – мальчишки, они не воины. Им трудно.

Решившись, Тим, не оборачиваясь, спокойно поинтересовался:

– Цинн, что с твоей ногой?

– Тимур, я упал, когда здесь все вспыхнуло. И на ногу наступила лошадь.

– Кости сломаны?

– Нет. Но быстро ходить мне тяжело.

– Еще раненые есть?

– Нет. Колт был ранен, у него разорвало живот и сожгло лицо. Мы не смогли ему помочь, и он умер. Но это хорошо – без глаз ему бы трудно было жить.

– Цинн, с Наинном и Кобо осмотрите все вокруг. Соберите все вещи. И найдите Генра. А я возьму Шарка и найду с ним лошадей для вас. Потом мы поедем к становищу.

Чуть помедлив, Тим, добавил:

– Там, наверное, придется драться.

– С кем? – охнул Шарк.

Цинн от удивления позабыл отвесить ему затрещину, и Тим, не дожидаясь новых вопросов, уже со спины Кунара бросил:

– Люди черного человека пришли в нашу степь. И они напали на становище. Ищите хорошо – нам потребуется все оружие.

* * *

Накхи потеряли свое становище.

Нет, поставить новые шатры – дело недолгое: уж войлока у степняков хватало. Но из войлока не сделать крепости.

Крепость в становище, разумеется, можно было назвать крепостью лишь с натяжкой. Даже вонючие города людей с побережья были укреплены несравнимо лучше. Но им проще – на побережье раньше хватало хороших лесов, да и сейчас еще не все вырубил. В степи все не так: деревьев мало, а подходящих для строительства еще меньше. Бревна в свое время таскали по много дней, доставляя к становищу. Хорошего камня в округе тоже не было. Лишь с глиной накхам повезло. Поэтому основным материалом для стройки был сырой кирпич.

Стены вышли невысокие: при большом желании можно снизу аркан накинуть на зазевавшегося защитника, но зато толщины они были невероятной – местами до десяти полноценных мужских шагов. Ришак, перебрав кумыса, иной раз гарцевал по ним на коне, будто по мощеной дороге, – лишь угловые башенки мешали ему совершать полный круг.

Тараном такие стены не скоро прошибешь.

Подкопать такие непросто, да и под оскудевшей почвой притаился камень – хода в нем не проделать и стены не подрыть.

Хорошая крепость.

Была...

Все четыре башенки превратились в груды мусора. Стены уцелели только фрагментами, между их остатками будто громадный великан выгрыз исполинской пастью кирпичную кладку. Обнажившиеся бревенчатые клетки обуглились, но не загорелись – слишком долго древесина морилась в заточении глины. Однако дымили щедро – густым вонючим дымом.

Возле остатков крепостных ворот стоял вертолет.

Возможно, машина называлась иначе, но Тим, знакомый с подобной техникой лишь по рисункам своих небесных учителей, решил, что это именно она. Пузатое тело, длинная балка хвоста, широченный винт наверху. Смущали лишь птичьи крылья – куцые, двойные. Не помнил Тим такого на рисунках. От нижней пары этих крыльев торчали разнокалиберные трубы – Тим не сомневался, что это оружие. Но как-то неестественно это вооружение выглядело – грубовато, что ли... Диссонировало с общей стремительностью небесной машины. Будто в уже готовую, гармоничную конструкцию кто-то не имеющий отношения к ее созданию внес новые смертоносные элементы.

Хотя откуда Тиму знать – он в небесных машинах понимает мало. Да и какая ему разница – ему не изучать вертолет надо, а уничтожить.

Тим притаился на краю овечьего загона. Из одежды на нем была лишь кожаная безрукавка и штаны. Перед тем как пробраться в становище, он щедро извозился в навозе, не забыв про лицо и волосы. Если у нападающих есть собаки, то почуять врага им будет нелегко. А зрение дозорных ночью несовершенно – лазутчика может выдать лишь светлый овал лица на фоне земли. Но он у Тима теперь далеко не светлый.

До рассвета еще часа три. Спешить не стоит. Тим лежал здесь долго, стараясь не пропустить ничего.

Захватчики чувствовали себя в становище полноценными хозяевами и вели себя на диво беспечно. Хотя, будь у Тима боевой вертолет, он бы, возможно, вел себя так же.

Первое, что выяснил Тим: на становище напали не черные люди. Нет, черные тут были – он заметил двоих, когда они прошли от севшего геликоптера в один из уцелевших шатров. Где есть двое, возможно, есть и еще, но вряд ли их слишком много. Основная масса напавших – обычные люди. Тим не раз видал купеческие караваны, да и на побережье ему доводилось бывать – эту публику он знал. Наемники горожан, охранники купеческих караванов – вороватые бродяги, откровенные бандиты без роду и племени, смесь отбросов и полуотбросов. Тим знал, что, имея серебро, можно нанять этих людей и они будут тебе служить. Как служить – это, конечно, другой вопрос: верности за деньги не купить. У этих людей был один хозяин – драгоценный металл. Кто предложит его больше – того они и будут слушать.

Кто-то предложил много серебра, и целая сотня этих жалких рабов металла пришла в становище накхов.

С каждой минутой, проведенной за изучением действий врагов, Тим все более жалел, что у него нет пары десятков настоящих воинов-накхов. Этого бы вполне хватило. Конечно, недооценивать противника опасно, но тут Тим, скорее всего, их переоценивал.

Жалкие шакалы. Глупые падальщики. Они даже караулов не поставили. Безголовый сброд. Нет, какое-то подобие командования у них было, и на глазах Тима один из таких вождей попытался поставить часовых по периметру становища. Тщетно – едва он отходил, как поставленный дозорный тут же срывался с места, спеша продолжить грабеж и насилие. Чуть ли не ежеминутно вспыхивали перебранки на почве раздела добычи. Парочка мордovorотов решила спор оружием: один упал, собирая кишки в рассеченное брюхо, второму повезло больше – сабля умирающего снесла ему несколько пальцев. Судя по крикам, еще одного убитого нашли за шатром – кто-то ловко перехватил ему горло. Наемники сперва было решили, что это кто-то из уцелевших мужчин занимается диверсионной деятельностью, и даже порывались прочесать окрестности. Но затем вспомнили, что убитому достался ценный трофей – серебряная уздечка. Тут же все решили, что за нее его и прирезали. К великому удивлению Тима, никто даже и не подумал искать убийцу.

Все это наводило его на логичную мысль: весь этот сброд собран буквально перед нападением. Им не дали времени притереться друг к другу, стать хоть каким-то подобием войска. И это было хорошо – пусть все они сильные и хорошо вооруженные мужчины, но, по сути, это стадо драчливых баранов. Одиночки,

которые больше всего боятся за свою никем не прикрытую спину.

Сейчас Тим им устроит сюрприз.

Не успел – под голову скользнула чужая ладонь, крепко зажала рот, в ухо угрожающе прошипели. Но прошипели как-то знакомо.

Тим, понятливо кивнув, обернулся, уставился на ловкача, ухитрившегося подкрасться незамеченным. Тот был измазан навозом до неузнаваемости, но не узнать его было невозможно:

– Дед Ришак, я рад, что ты жив.

– Тихо, Тимур! Я еще не оглох. А вот ты оглох, раз подпустил меня!

– Виноват. Меня вечером оглушил грохот, когда они напали на наш лагерь, до сих пор в ушах гудит.

– Ты один выжил?

– Нет. Со мной Шарк, Цинн, Наин и Кобо. У Цинна и Кобо – луки, они спрятались за загоном и будут стрелять, когда подниму шум.

– Тимур, ты глупец, раз решил напасть на этих шакалов с четырьмя мальчишками.

– Дед Ришак, я просто хочу уничтожить их вертолет. Вон та железную машину.

– Ах ты, небесное отродье, ты разве знаешь, как убить этого железного дракона?

– Да, дед Ришак, я знаю. Меня научили люди с небес.

– Это хорошо. Я всегда знал, что не зря они пичкают тебя своей болтовней. Пригодилось. Давай убивай дракона. Когда убьешь, мы перережем этих шакалов.

– Мы?

– Да. Со мной несколько наших воинов. Мы давно уже крутимся вокруг. Не будь дракона – уже бы сушили их скальпы. Торопись, Тимур. Или тебе нужна помощь?

– Нет. Я сам.

– Иди, Тимур. А я пойду к мальчишкам, приставлю их к своим воинам. Нам потребуется каждый лук.

Тим не стал спрашивать, каким образом Ришак уцелел при разгроме становища, да еще и отряд воинов сохранил. Ришак – это Ришак, лучший воин накхов. Да, он уже не молод, но горе тому, кто сочтет его слабым стариком. Старость его – будто хромота степного льва, до последнего притворяющегося искалеченным, пока глупая антилопа не подпустит его на дистанцию прыжка.

Прячась от глаз врагов за разоренными шатрами и лошадиными трупами, Тим добрался до старой кузницы Мокедо. После его ухода глинобитный сарайчик пришел в полное запустение. Для обитателей становища Мокедо был своего рода легендой, и все, что его касалось, было неприкосновенным. Если бы Тим не следил за строением, то крыша уже давно провалилась от неухоженности.

Несмотря на все предосторожности, дверь открылась с изрядным шумом. Оставалось надеяться, что в общем гуле разоряемого становища это прошло незаметно.

Надежды Тима не оправдались – он едва успел укрыться за наковальней, как на пороге выросла внушительная фигура. Выставив факел перед собой, наемник пьяно хохотнул и предложил:

– Эй, красотка, вылезай. Я видел, как ты сюда прошмыгнула. Умница – догадалась спрятаться. Я тебя никому не отдам – не бойся. Ну-ка где ты тут...

Несмотря на выпитое спиртное и общее жизненное разгильдяйство, этот наемник об осторожности не забыл и помимо факела держал короткий меч. Но оружие ему не помогло – стоило ему заглянуть за наковальню, как его жизнь закончилась. Сомнительно, что он успел осознать свою ошибку – перепутал

тонкотелого Тима с девчонкой.

Мах рукой, приглушенный треск лопнувшего черепа, вялый шум упавшего тела. Степняки для забавы кистенями зайцев на скаку берут, а уж проломить голову неповоротливому бродяге с побережья – и вовсе пустяк.

Факел отправился под труп. Тим с минуту выжидал, давая глазам привыкнуть к темноте и готовясь встречать новых охотников за «девчонкой». Вроде бы все тихо. Ну что же, пора приниматься за дело.

Присев в дальнем углу, Тим пощупал земляной пол, поморщился: будто камень. Используя трофейный короткий меч в качестве мотыги, добрался до тайника Мокедо. Расчистил доски, откинул крышку. Внутри было сухо и чисто – все как тогда, когда он помогал прятать. Но даже если бы сюда проникла вода – ничего, спрятанному предмету она не навредит.

Ухватившись за литую ручку, Тим достал оранжевый контейнер аварийного комплекта. С натугой провернул ступоры, раскрыл. Жизнь в небесах непростая, и, бывает, небесные птицы падают. Упасть они могут в неблагоприятное место. И экипажу придется защищать свои жизни до прихода спасателей. Вот как здесь пришлось. Защищая себя, экипаж потратил свои боеприпасы. Счастье, что накхи все же решили вопрос миром, иначе бы Тим не появился на свет. И вдвойне удачно, что потратили они не все.

Покрутив в руках увесистый пистолет с толстыми стволами, Тим положил его назад без сожаления – патронов к нему больше нет, и осталась только одна сигнальная ракета. Не нужно ему здесь никому сигналить. А вот два ребристых цилиндра – то, что надо. В деле Тим их не видел, но Мокедо говорил, что это гранаты серьезные. Настолько серьезные, что их давно уже не включают в стандартные аварийные комплекты. Не нужно больше такое оружие космонавтам. Не хватало еще, чтобы на орбите рвануло. Раньше, когда в небесах шла большая война, этими гранатами полагалось уничтожать тайные агрегаты небесных птиц, чтобы врагу в руки не попали. К счастью, психика у командира установки была несколько параноидальная, и каким-то образом он для своего экипажа старые аварийные комплекты добывал, несмотря на мирное время. Как будто знал, что потом, уже после гибели командира и его установки, степной паренек из затерянного во времени и пространстве мира достанет их из пластмассовых гнезд и понесет к непонятно откуда взявшейся небесной машине. И взорвет ее.

Стоп. Рано размечтался – еще ничего не взорвано.

Хотя нет – на улице взорвался хор негодующих воплей. Наемники опять что-то не поделили. Ну да пусть делят – лишь бы в сторону вертолета не поглядывали. Интересно, хватит ли двух гранат, чтобы уничтожить машину? Как-то мало верится, что два маленьких цилиндрика сокрушат такого колосса. В детстве он однажды видел, как Егор взорвал глиняный горшок, набитый самодельным порохом. Взрыв Тима не впечатлил. Гораздо сильнее впечатлило тогда то, что взрослый мужчина, да еще и упавший с небес, упорно нянчится с навозом – ради какого-то белого порошка. И было бы ради чего: забава дымная, не более.

Тим намеревался прокрасться к машине вдоль крепостной стены. Там, в кирпичных развалах, грабить было нечего, и шансы нарваться на врага невелики. Но, подкравшись к руинам укреплений, разглядел, как кто-то воровато прошмыгнул в пролом стены. Учитывая разгильдяйство нападающих, неудивительно, что немало жителей уцелело и бродят вокруг в ожидании шанса реванша: накхи – не трусы, и даже железный дракон не заставит их мчаться в степь до горизонта, бросив становище. Тим не стал рисковать, приближаясь к ним: нервы у народа напряжены, в темноте видно плохо – прирежут, не спрашивая имени.

Перед линией стены тянулась полоса заграждений из заостренных кольев, ям и кирпичных конусов. Тим решил двигаться прямо по ней – и не пожалел. Даже в предательском свете полосы небесного Шрама здесь нелегко разглядеть лазутчика, главное – не делать резких движений. А Тим не делал – Тим умел охотиться и, бывало, фазана брал руками. Это несложно – глупая птица видит все прекрасно, но пугает ее лишь движение, причем движение резкое. Если все делать плавно, то позволит ухватить себя за хвост.

Вжимаясь в землю, добрался до машины, скользнул в тень хвоста, пробрался под днище, замер.

Что дальше? Днище ровное, гранату на нем не закрепить. Под колесо ее сунуть? А смысл? Если даже колесо вовсе оторвет, рана будет не смертельной. Хотя кто его знает... может, сила гранат настолько велика, что хватит на весь вертолет.

Покосившись в сторону ругающейся толпы врагов, Тим решил рискнуть.

Из рассказов экипажа он имел приличное представление о небесном вооружении и понадеялся, что рассказы не ввали. Пришлось покинуть безопасную тьму под днищем машины, перебраться под подвеску. Тут уже остается уповать на везение – тени здесь маловато, того и гляди заметят, как ни прячься. Эх, понять бы еще, что это за трубы, и их начинку... Может, это просто приборы какие-то. Откуда Тиму знать? Дали бы враги время – он бы, разумеется, разобрался, но времени не было.

По вытопанной земле застучали четкие, тяжелые шаги. Кто-то приближался к вертолету с другой стороны.

Решившись, Тим потянул бородавку замедлителя к корпусу до упора, выставив максимальное время. С натугой вытянул чеку, медленно отпустил кнопку стопора. Корпус гранаты мелко завибрировал. Теперь не отступить – взрыва не остановишь.

Тим выполз из-под подвески, приподнялся перед пузатым барабаном, собранным из толстенных труб, сунул руку в центральную трубу. Костяшки пальцев нащупали холодный конус, дальше хода не было. Запихав под него гранату, Тим юркнул под днище.

Вовремя – с другой стороны лязгнул металл, затем хлопнула железная дверь, кто-то влез в вертолет.

Скользнул под хвост, дальше вскочил – кинулся к стене зайцем, уже не скрываясь. Лишь на бегу вспомнил про вторую гранату. Эх... как же он про нее позабыл... Ну да ничего, это же просто страховка – по идее, и одной должно хватить.

Или не хватит?

За спиной кто-то азартно заорал – беглеца заметили. Тут же ослепительная вспышка прогнала ночь, Тима что-то толкнуло с такой силой, что он не удержался на ногах, рухнул среди кольев заградительной полосы. Если бы не успел выставить руки, то вспахал бы носом каменистую землю.

Страхивая грязь с ободранных предплечий, обернулся, довольно осклабился – одной гранаты хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/artem-kamenisty/vremya-odinochek>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)